

Российско-монгольские отношения: от истоков до современности

Международная научная конференция «Российско-монгольские отношения: от истоков до современности», посвящённая 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией

В Москве 19 февраля 2021 г. прошла Международная научная конференция «Российско-монгольские отношения: от истоков до современности», посвящённая 100-летию установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Монголией. Конференция была организована Институтом управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте Российской Федерации совместно с Институтом стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. М. В. Ломоносова.

В работе конференции участвовали более 200 учёных, представляющих университеты, вузы и научно-исследовательские центры, из 15 государств. Это были историки, экономисты, политологи, философы, филологи, дипломаты, представители музеев, аспиранты и студенты из таких стран, как Россия, Монголия, Великобритания, Казахстан, Турция, Киргизия, Франция, Япония и др.

Конференцию открыл директор Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. М. В. Ломоносова профессор И. И. Абылгазиев, отметивший важность российско-монгольских отношений. Он рассказал об ИСАА как одном из важных мировых центров изучения стран Центральной Азии вообще и Монголии в частности.

Ключевые слова: Россия, Монголия, глобализация, геополитика, «мягкая сила», «Большая игра», кочевая культура, «третий сосед».

На конференции выступили: Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Монголии И. К. Азизов, Чрезвычайный и Полномочный Посол Монголии в Российской Федерации Дуламсурэнгийн Даваа. Дипломаты отметили тесное сотрудничество и добрые связи между двумя странами на протяжении десятилетий и выразили уверенность в успешном развитии экономических, политических и культурных отношений в дальнейшем.

На Международной конференции был обсуждён широкий круг вопросов двусторонних российско-монгольских отношений (история дипломатических отношений, геополитические, торгово-экономические, культурологические аспекты межгосударственных связей). Известные историки, политологи, философы, экономисты – эксперты в сфере международных отношений и монголоведения рассмотрели:

- место и роль России в становлении и развитии монгольской государственности в XX–XXI вв.;
- стратегическое партнёрство двух государств;
- сотрудничество в разных областях, в том числе гуманитарное;
- роль третьих стран в регионе;
- роль и место Монголии в современной системе международных отношений.

Сергей ЛУЗЯНИН

Россия – Монголия: 100 лет отношений

Исторические и современные закономерности

Формирование сибирско-монгольского участка Евразии на российско-монгольских рубежах было сложным и противоречивым. Учитывая глубинные русско-монгольские скрепы, уходящие в историю Золотой Орды и времена Великого княжества Московского Ивана III Васильевича в XV в., вобравшего элементы ордын-

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор НИУ ВШЭ, профессор МГИМО(У) МИД России (Москва, Россия). *E-mail:* luzyanin.sergey@mail.ru

ской политической культуры и ментальности, казаки на традиционном русском кураже, войдя в контакт с монгольскими ханами Западной и Северной (Внешней – Халха) Монголии в XVII в., положили начало созданию огромной зоны российско-монгольского буферного (от Китая) пространства.

Экономический и цивилизационный феномен его заполнения был связан в том числе с радикальной сменой кода самой монгольской цивилизации, которая при сохранении кочевой основы всего за 200 лет из агрессивной, имперско-чингисхановской в XVII–XVIII вв. превратилась в буддийско-ламаистскую. Жестокый воин-захватчик уступил место мирному ламе, бредущему по степи и перебирающему чётки. Эта «духовная революция» совпала с китайским административным поглощением Монголии, формально превратившейся в часть Поднебесной. При этом русские, идущие с севера, ментально и политически воспринимались монгольской духовной и княжеской элитой как спасители, а Российская империя – как реальный противовес китайской угрозе поглощения.

Монгольская народная революция 1921 г., установление 5 ноября советско-монгольских отношений и последующее их развитие выявило ряд ключевых исторических закономерностей XX в.

1. *Высокая прочность российско-монгольского военного союза перед лицом испытаний.* С 1924 г. Советский Союз и Монгольская Народная Республика сформировали «советский мир», окружённый идеологически и политически враждебными государствами и силами. Вопрос стоял не столько об идеологическом советско-монгольском сотрудничестве, сколько о реальном физическом выживании двух государств. И прочность этого мира была доказана и в условиях японского милитаристского вызова в 1939 г. на р. Халхин-Гол, и в условиях Второй мировой войны, завершившейся разгромом японского милитаризма в августе–сентябре 1945 г.

2. *Вторая историческая закономерность – эффективная интеграция МНР в 1945–1960-е годы в международно-правовые институты эпохи жёсткой биполярной системы и противостояния СССР и США.* Последовательный курс советского руководства на международно-правовое оформление МНР на Ялтинской конференции союзников (февраль 1945 г.), подтверждённый на советско-китайских переговорах в Москве (июль 1945 г.), позволил не только оформить полноценный международный статус МНР, но и добиться полной интеграции её во все глобальные и региональные институты, систему международных отношений.

3. *Третья особенность – экономическая способность МНР к индустриальному развитию и модернизации в условиях советско-монгольского союза.* Совместные проекты: ГОК «Эрдэнэт», Улан-Баторская железная дорога (ОАО УБЖД), г. Дархан и другие про-

мышленные объекты составили материально-техническую базу современного развития республики.

Характеризуя развитие Монголии и закономерности российско-монгольских отношений, существующих в течение последних 30 лет в иной международной, идеологической, экономической и ценностной среде, следует отметить, что фундаментальные закономерности 400-летнего опыта добрососедства не исчезли. Они полностью остались, включая общую позитивную, взаимную ментальность, близость наших народов по духу и восприятию внешнего мира и внешних угроз.

Сохранились ценности совместных военных, дипломатических и экономических побед XX в., встроены в жёсткие реалии современного мира, из которых особое значение для двух стран имеют:

- волны глобализации и деглобализации, интегрировавшие наши государства в глобальные и региональные институты и процессы;

- системное, глобальное и региональное возвышение Китая, с которым Россию и Монголию связывает высокий уровень стратегического партнёрства и сотрудничества, близкое географическое соседство;

- пандемия коронавируса, в условиях борьбы с которой Монголия наряду с другими вакцинами (европейской, американской и китайской) зарегистрировала и российскую «Спутник V».

В настоящее время видно успешное формирование нескольких уровней взаимодействия России и Монголии, которые являются эффективным ответом на современные вызовы и угрозы.

Первый и основной – это всестороннее развитие двусторонних отношений. Как известно, за 28-летний период, начиная с подписания Договора 1993 г., совместных деклараций 2000 и 2009 гг., они закономерно вышли на уровень всеобъемлющего стратегического партнёрства и были оформлены подписанием в Улан-Баторе Договора о дружественных отношениях и всестороннем стратегическом партнёрстве (3 сентября 2019 г.).

Сегодня спектр взаимодействия двух стран разнообразен – от международного сотрудничества, кооперации в сферах обороны, безопасности, экономики, торговли, инфраструктурных проектах до широкого культурно-гуманитарного сотрудничества.

Особо хотелось бы отметить важность и значение восстановления и усиления позиций русского языка, культуры и образовательных проектов.

Это связано в том числе и с успешной работой всего российского посольства под руководством Чрезвычайного и Полномочного Посла И.К. Азизова и Центра российской науки и культуры в Улан-Баторе, преобразованного в «Русский Дом», под умелым и эффективным руководством А.Р. Базархандаева.

Второй важный уровень – это взаимодействие с третьими странами и партнёрами. По масштабам и влиянию на Россию и Монголию выделяется Китайская Народная Республика. Данное направление условно можно структурировать на:

- продвижение экономического коридора Монголия – Россия – Китай, включая взаимодействие в рамках сопряжения с китайской инициативой «Один пояс – один путь» (ОПОП);
- реализация углеводородного (газового) проекта «Сила Сибири – 2».

В настоящее время завершена разработка технико-экономического обоснования газопровода объёмом 50,1 млрд куб. м в год с прохождением через территорию Монголии из России в Китай.

Важность данного трёхстороннего формата обусловлена самой историей формирования и развития треугольника Россия – Монголия (Внешняя и Внутренняя) – Китай в XVI–XXI вв. За этот период сложился некий баланс в экономической, политической и международно-правовой системе отношений. Существуют объективные возможности использования большого политического ресурса российско-китайского партнёрства, накопленного сторонами за десятки лет, для усиления треугольника Россия – Монголия – Китай.

Евразийский треугольник вписался в восточноазиатский участок китайской инициативы ОПОП и монгольского проекта «Степной путь», что дополнительно дало стимул развитию как российско-монгольских, так и китайско-монгольских торгово-экономических и энергетических отношений в двусторонних форматах.

Очевидно, что создание транспортного и инвестиционного коридора по линии Хух-Хото (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР) – Улан-Батор (Монголия) – Улан-Удэ (Республика Бурятия, Россия) выгодно для развития самой Монголии и соработки сопредельных китайских и российских территорий.

До создания трёхстороннего формата в 2005 г. в Китае началось строительство железной дороги протяжённостью 1390 км через пустыни Улан-Бух и Бадын-Джаран (западная и северо-западная части Автономного района Внутренняя Монголия, КНР).

Маршрут трассы не затрагивал территорию Монголии, проходил по сопредельной Внутренней Монголии с востока на запад: от г. Линь на запад через пустыню Улан-Бух и вдоль северной оконечности пустыни Бадын-Джаран и далее – по территории Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и через северную часть провинции Ганьсу. Протяжённость участка магистрали на территории Внутренней Монголии составила 1070 км.

Перспективным является вариант российско-китайской и российско-монгольской кооперации по разработке стратегического

угольного месторождения Таван-Толгой в Монголии, одного из крупнейших месторождений каменного угля в мире.

Разведанные запасы угля месторождения Таван-Толгой 50 млрд т коксующегося и энергетического угля; оно расположено в 400 км от ближайшей железной дороги.

Двусторонний российско-монгольский формат связан с развитием торговли, совместным управлением и модернизацией старых (ОАО «Эрдэнэт», ОАО УБЖД, «Росцветмет») и становлением новых совместных проектов. Дополнительным стимулом может стать модернизация «Открытой экономической зоны» в Кяхта (Россия) – Алтанбулаге (Монголия).

Неуклонное расширение и развитие политических, торгово-экономических, культурных и гуманитарных связей базируется на солидной правовой основе, составляющей более 100 действующих договоров и соглашений.

В рамках треугольника эксперты разрабатывают транспортные коридоры:

- Китай – Монголия – Тува (Россия);
- Синьцзян-Уйгурский автономный район (КНР) – Западная Монголия – Алтайский край – Западная Сибирь (Россия);
- Внутренняя Монголия (АРВМ КНР) – Монголия – Иркутская область/Восточная Сибирь (Россия) и др.

Третий уровень – российско-монгольская кооперация в рамках различных региональных проектов: от взаимодействия в ШОС (Монголия является государством-наблюдателем) до интеграции между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Монголией. В настоящее время в рамках Евразийской экономической комиссии изучается вопрос о возможности подписания соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) Монголии с ЕАЭС.

Таким образом, исторические и современные закономерности российско-монгольских отношений тесно переплетаются. За 100 лет их развития всё ненужное и негативное отсеялось, ушло в прошлое. Всё положительное, взаимопольное осталось и окрепло. Главное сегодня – это сохранение и укрепление взаимной дружбы, независимо от эпох и идеологий; сохранение способности российско-монгольского стратегического партнёрства к быстрой адаптации в условиях любых трудностей и испытаний.

Владимир ШТОЛЬ

Боевое братство СССР и МНР в годы Второй мировой войны

Монголия в какой-то степени для большинства мира *terra incognita*. Единое государство на территории современной Монголии возникло в начале XIII в. Чингисхан (около 1155–1227 гг.) и его преемники завоевали огромную территорию Евразии, включая и страны Восточной Европы. Однако уже при его наследниках начался постепенный распад огромной Монгольской империи, хотя захватнические походы, в том числе Тамерлана (1336–1405 гг.), продолжились.

В XVII в. Монголия, как и Китай, была завоёвана маньчжурами, основавшими династию Цин. Но исчезнув с геополитической карты мира, Монголия сумела сохранить свою национальную идентичность, несмотря на китайское господство и близость России. Она устояла, доказав, что её цивилизационный потенциал может успешно противостоять и восточному китайско-японскому влиянию, и западному – российскому.

После образования Китайской Республики (1912 г.) монгольская правящая элита провозгласила независимость, а после Октябрьской революции, которая оказала огромное влияние на страну, в 1924 г. была образована Монгольская Народная Республика (МНР). Однако её положение на международной арене все последующие годы оставалось сложным, что прежде всего было связано со слабой дипломатией МНР и японской экспансией на материк.

Мировой кризис 20–30-х годов XX в. привёл к сокращению внутренней и внешней торговли Японии и, как следствие, к закрытию предприятий и росту безработицы. Бедной ресурсами стране нужны были новые источники сырья и новые территории для расселения избыточного населения (как в Третьем рейхе – *Lebensraum*), и новые рынки сбыта своей продукции. Так как страна поздно вышла из изоляции, то ей не достались ко-

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России (Москва, Россия), ректор Центрально-Европейского университета (Словакия). *E-mail*: v.shtol@gmail.com

лонии: в Азиатско-Тихоокеанском регионе всё было давным-давно поделено между европейскими метрополиями и США. Оставался один путь – военный, и Япония пошла по пути милитаризации экономики, попутно сняв вопросы безработицы и усилив потенциал военной агрессии.

В 30-е годы в политических кругах мира широко обсуждался меморандум Танаки, в котором нашли чёткое отражение интересы Японии в отношении советского Дальнего Востока, Китая, всей материковой Юго-Восточной Азии, тихоокеанских островов, дальше Индии и т. д. Японцы, правда, клялись в Совете Лиги Наций, что такого документа не разрабатывали, но как показали дальнейшие события, что-то очень похожее существовало в их генеральном штабе.

На чём строились японские территориальные претензии?

Ещё в конце 90-х годов XIX в., когда шла борьба за «застеночный» Китай, Япония утверждала, чтобы препятствовать Российской империи в освоении Маньчжурии, что эта территория является исконно китайской. После проигранной войны 1905 г. Россия потеряла свои позиции на маньчжурской территории. И уже через пару десятилетий, когда в Китайской Республике усилилось влияние Великобритании, США и Франции, Токио стал утверждать, что Маньчжурия ни исторически, ни этнографически не относится к Китаю, хотя в Китае с этим не соглашались.

В меморандуме Танаки говорилось, что Япония не должна допустить объединения Китая и его экономического развития. Под прикрытием военной силы японцы планировали развивать свою торговлю в Китае, постепенно его завоёвывая, и дальше развивать свою военно-экономическую экспансию на запад и юго-запад. Кроме того, меморандум предполагал денонсацию Вашингтонской конвенции 1921–1922 гг., которая, подводя итоги Первой мировой войны на Дальнем Востоке, завершала окончательный раздел региона, провозглашала принцип территориальной целостности Китая и равных возможностей для торговли и промышленности «всех наций на всей территории Китая». Именно это не устраивало Японию больше всего, и она настаивала на своих «специальных интересах» в Китае.

В меморандуме также предполагалось тихо аннексировать и Монголию. Но прежде всего необходимо было овладеть Северо-Восточным Китаем.

Зимой 1932 г. через коррумпированную маньчжурскую элиту, виртуозно срамливая друг с другом представителей разных кланов, Япония овладела почти всей территорией Маньчжурии. Якобы по желанию населения было провозглашено независимое от Китая государство Манчжоу-Го, с которым Токио заключил

военный союз, предполагавший нахождение на его территории японских войск для обеспечения безопасности.

Свои притязания на Китай и Дальний Восток японцы обосновывали паназиатской доктриной под лозунгом «Азия для азиатов», пытаясь ограничить влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе США, Великобритании и др. Здесь желающих участвовать в дележе территории было существенно больше, чем даже в аналогичной ситуации на Ближнем Востоке, да и масштабы были иные.

Японцы, конечно, не собирались останавливаться на достигнутом. В ближайших планах был Дальневосточный край СССР и Монголия.

Провокации на границе с СССР шли постоянно, и наконец они вылились в боевые действия в районе оз. Хасан (29 июля – 11 августа 1938 г.). Целью японцев было завладеть территорией, включая Владивосток. Ответ СССР был жёстким. Тогда Япония переключилась на Монголию. Конфликт возник из-за японской трактовки линии границы в районе р. Халхин-Гол (28 мая – 16 сентября 1939 г.). Монгольские пограничные посты были расположены достаточно далеко от границы и друг от друга, именно поэтому японцам и удалось в начале конфликта продвинуться в глубь территории МНР. В итоге японцы в обоих случаях получили не только жёсткий военный отпор, но и запоминающийся урок на будущее. Перед Западом Япония прикрывала свою агрессию, позиционируя себя как аванпост против «красной опасности». Поражения японцев на оз. Хасан и р. Халхин-Гол привели к тому, что они не объявили войну СССР одновременно с Германией, а заняли выжидательную позицию, выбирая удобный момент, хотя провокации были постоянными.

США, несмотря на тяжёлое положение своих союзников в Европе, просьбы У. Черчилля помочь в Юго-Восточной Азии и защитить Индию от японской агрессии, выжидали. Вашингтон после Первой мировой войны получил определённые дивиденды и теперь, ссылаясь на политику изоляционизма, не спешил на помощь союзникам.

Итак, США не объявляли войну Германии и всячески избегали обострения отношений с Японией, которая вела активные боевые действия в Китае, Французском Индокитае, на тихоокеанских островах и в целом во всей Юго-Восточной Азии, где колониальные владения европейцев остались без «хозяев». Это было связано с тем, что хотя вопрос о лидерстве в Тихоокеанском регионе между Вашингтоном и Токио стоял остро, но сама японо-американская война неизбежно сорвала бы планы Рузвельта остаться в стороне от войны и воспользоваться плодами победы. Тайные замыслы американской дипломатии сводились и к тому, чтобы направить японскую агрессию против СССР.

Однако в Токио хорошо усвоили уроки Хасана и Халхин-Гола и отложили давно готовившийся поход на север против Советского Союза. Токио отложил его до того момента, когда поражения на западе ослабят его. Таково было принципиальное решение правящей верхушки Японии, а пока впереди был Пёрл-Харбор и тяжёлые поражения американцев на тихоокеанских островах.

Во Второй мировой войне Монголия не осталась в стороне. Она была первой, кто объявил о своей поддержке СССР. Все вспоминают ленд-лиз. Действительно, это была большая и очень необходимая в то время помощь от США. Но мало кто знает, что помощь Монголии была больше американской. И это были не только продукты питания, тёплое обмундирование, шерсть, лошади и т. д. На средства, собранные населением страны, были сформированы танковая колонна и эскадрилья, продовольственным и вещевым обеспечением которых до конца войны занималась МНР.

Особенно хочется подчеркнуть, что США были и есть одна из самых богатых стран мира и, оказывая помощь по ленд-лизу СССР и Великобритании, они отдавали не последнее. А вот Монголия, аграрная и бедная страна с низким уровнем жизни, отдавала практически всё, что у неё было. Об этом надо помнить и это надо ценить.

Но в 1946 г. Монголия столкнулась с настоящим голодом из-за уменьшения поголовья в животноводстве. И уже в новой ситуации СССР пришёл на помощь братскому народу.

На Ялтинской конференции великих держав Монголия, по настоянию СССР, наконец-то была признана независимой страной.

В августе 1945 г. части Народно-революционной армии Монголии присоединились к советским войскам и вместе блестяще завершили Маньчжурскую операцию.

Монгольская Народная Республика только в 1961 г., преодолев сопротивление Китайской Республики (Тайвань) и США, была признана равноправным членом мирового сообщества и стала членом ООН. В 90-е годы после распада СССР её положение в мире усложнилось.

У многих международных акторов возникло желание прибрать к рукам экономически достаточно слабую страну с огромным, до конца не изученным ресурсным потенциалом, геополитически удобный плацдарм между Китаем и Россией.

Надо отдать должное выбранному руководством Монголии курсу: паритетные отношения с Китаем и Россией, участие в их транснациональных проектах, в частности «Один пояс – один путь», одновременно предлагая выгодный для страны свой «Степной путь». При этом развивается политика «третьего со-

седа». К этой категории относятся страны, заинтересованные в сотрудничестве с Улан-Батором. И этих стран много (США, Япония, Индия, Пакистан и страны ЕС). Правительством Монголии при экономическом сотрудничестве введены достаточно жёсткие ограничения по возможности владения всеми видами национальных активов и объёмам иностранных инвестиций с тем, чтобы не попасть в экономическую и политическую кабалу.

Учитывая, что многие отрасли и сферы Монголии формировались при непосредственном участии или под влиянием СССР, а также многие десятилетия дружественных отношений, России необходимо восстановить свой авторитет в Монголии, пострадавший в 90-е годы, и расширять все виды сотрудничества.

Олег ЛУШНИКОВ

Россия и Монголия: стратегическое партнёрство в Евразии

Взаимодействие и взаимовлияние народов России и Монголии на пространстве Евразии происходит уже более 800 лет, взаимообогащая обе стороны и являясь залогом перспектив сотрудничества и в XXI в.

В XIII–XV вв. на просторах Евразийского континента ведущую роль играла созданная Чингизидами мир-система *Pax Mongolica*. Русские земли, став частью этого политико-экономического пространства, получили уникальный опыт участия в международном трансконтинентальном проекте и органично восприняли целый

ЛУШНИКОВ Олег Вадимович – кандидат исторических наук, доцент, директор Центра Евразийских исследований им. Г. В. Вернадского Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, председатель Евразийского движения Российской Федерации (Пермь, Россия). *E-mail:* oleglushnikov@ya.ru

ряд идей и технологий, оказавших существенное влияние на формирование и стратегическое развитие Московского государства.

В. В. Бартольд, Г. В. Вернадский, А. Ш. Кадырбаев, В. В. Трепавлов, С. Е. Нефедов и другие исследователи выделяют влияние монгольского мира на такие сферы, как государственное управление, экономические отношения, организация армии, развитие технологий, а также культуру, язык и быт.

В состав Российской империи в XVI–XX вв. как геополитической преемницы *Pax Mongolica* вошли представители народов, населявших Улус Джучи Монгольской империи (Золотая Орда), а также других монгольских народов (бурятов, калмыков, тувинцев), став неотъемлемым элементом многонациональной российской нации и существенным фактором развития истории и культуры России.

XX в. стал новым уровнем взаимодействия наших стран. Стоит отметить фундаментальную помощь России (1911–1921 гг.) в возвращении фактической независимости Монголии от Китая, а также помощь СССР в становлении Монгольской Народной Республики начиная с 1924 г.

Важный этап – опыт боевого содружества наших стран в период Второй мировой войны. Это и решающая роль СССР в обороне Монголии от японско-маньчжурской агрессии на Халхин-Голе (1939 г.), и поставки стратегического сырья для нужд военной промышленности, продовольствия, тёплых вещей и средств на формирование и содержание танковых и авиационных соединений СССР от Монголии в 1941–1945 гг., а также совместное участие в разгроме милитаристской Японии и освобождении Южной Монголии и Маньчжурии в 1945 г.

Особую роль сыграл СССР в последовательном отстаивании международного признания Монгольской Народной Республики вопреки противодействию Китайской Республики (Тайвань) и США в ООН (1945–1961 гг.). Также необходимо отметить беспрецедентную комплексную поддержку СССР в сферах безопасности, экономики, здравоохранения, образования и культуры МНР (1921–1990 гг.).

Несмотря на трудности в отношениях наших стран в 90-е годы, связанные с кризисом советской системы, с началом XXI в. можно говорить о новом уровне взаимодействия России и Монголии.

Так, с 2000 г. наблюдается поступательное развитие двусторонних отношений: смягчение визового режима, сотрудничество в экономической (горнодобывающая и топливно-энергетическая промышленности, железнодорожный транспорт, лёгкая и пищевая промышленность и др.), оборонной и гуманитарной (образование, культура, туризм) сферах.

Помимо этого, представляют интерес перспективы стратегического взаимодействия России и Монголии в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и проектах «Большого Евразийского партнёрства» (БЕП). Участие в этих международных организациях поможет Монголии как стране, находящейся в сердце Евразийского континента, обрести необходимый баланс между Россией, Китаем и «третьим соседом» (страны Азии, Америки и Европы), заняв в XXI в. достойное место в новой архитектуре глобального *Pax Euroasiatica* как гаранта безопасности и развития во всех сферах.

Бадамдорж БАТХИШИГ

Основные этапы развития Монголии и её отношений с Россией

Монголия, которая в XIII–XIV вв. держала под своим контролем большую часть огромного Евразийского континента, с конца XVII до начала XX в. находилась под сюзеринитетом Цинской династии Китая.

С национально-освободительной революции Монголии (1911 г.) началась новая эра её развития, которую можно разделить на следующие четыре этапа:

- борьба за независимость (1911–1924 гг.);
- борьба за полную независимость, или некапиталистический путь развития Монголии (1924–1961 гг.);
- социалистическое развитие Монголии (1961–1990 гг.);

БАТХИШИГ Бадамдорж – доктор экономических наук, профессор, заведующий подотделом политической экономики Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия). *E-mail*: bbat226@yahoo.com

– демократическое развитие Монголии (с 1990 г.).

Каждый из этих этапов тесно связан с отношениями и сотрудничеством с Советским Союзом и Россией.

На рубеже 1911 и 1912 гг. в Китае произошла Синьхайская революция, которая свергла Цинскую династию. Пользуясь падением Цинской династии, монгольские патриоты во главе с духовным лидером богдыханом (царь) выгнали из столицы китайского министра-посланника и объявили независимость Монголии. Тем самым Внешняя Монголия освободилась от более чем 200-летней зависимости от Китая.

После Октябрьской революции в России китайские власти начали опасаться проникновения её влияния в Монголию и стали требовать от неё отказаться от автономии и присоединиться к Китаю. Осенью 1919 г. китайские войска захватили столицу страны, взяв Монголию под своё управление.

На рубеже 1920 и 1921 гг. белогвардейские части под руководством барона фон Унгерна, уходившие от большевиков, освободили столицу Монголии от китайских захватчиков. Белогвардейцы восстановили богдыхана на троне и создали новое правительство. Монголия оказалась под властью российских и китайских оккупантов. Истинная цель белогвардейцев заключалась в том, чтобы сделать Монголию плацдармом для подготовки нападения на Советскую Россию.

Монгольские войска под руководством Монгольской народной партии (МНП) и при поддержке Красной армии в марте 1921 г. освободили территории Монголии от белогвардейцев и китайских оккупантов.

В июле 1921 г. было создано народное правительство с ограничением монархии в правах. Советская Россия сыграла решающую роль в освобождении Монголии от иностранных захватчиков и восстановлении её независимости и суверенитета, так как Монгольская народная революция 1921 г. была бы невозможна без Октябрьской революции в России.

Победа народной революции тесно связала Монголию с Советской Россией, что было необходимо для укрепления завоеваний революции. В свою очередь, последняя была заинтересована в вовлечении Монголии в орбиту своего влияния.

Этап некапиталистического развития Монголии (1920–1960 гг.). Вслед за народной революцией в 1924 г. в Монголии произошли три важных события:

– *во-первых*, третий съезд МНП объявил о некапиталистическом пути развития Монголии как генеральной линии партии;

– *во-вторых*, первый съезд Великого государственного хурала принял первую конституцию Монголии, в которой она была провозглашена как Монгольская Народная Республика;

– в-третьих, духовный лидер монголов богдыхан умер в 1924 г., и стало возможным превращение Монголии из ограниченной монархии в народную республику.

В этот период (при руководстве СССР) были проведены экономические реформы, направленные на социалистический тип развития.

В 1936 г. был подписан протокол между СССР и МНР о взаимопомощи. В соответствии с ним Советский Союз оказал Монголии военно-техническую помощь, а в 1939 г. монгольские и советские войска вместе разбили японских агрессоров в боях на Халхин-Голе.

Монгольский народ поддержал советский народ в борьбе против германского фашизма.

Во время Великой Отечественной войны на средства монгольского народа были созданы и переданы танковая колония и эскадрилья истребителей, а также около полумиллиона коней поставлены Красной армии.

На Ялтинской конференции 1945 г. лидеры СССР, США и Великобритании согласились признать её независимость. В 1945 г. в Монголии был проведён референдум о независимости страны, что заставило Китай признать его итоги. Монголия де-юре стала суверенным государством 1946 г.

После этого Монголия почти 15 лет боролась, чтобы стать членом ООН, и лишь в 1961 г. была признана её полноправным членом.

Социалистический этап развития Монголии (1960–1990 гг.). В 1959 г. была завершена национализация основной части скотоводства, т. е. в стране стала господствовать общественная собственность на средства производства. Вся промышленность, транспорт и другие отрасли также перешли в государственную собственность.

На этом этапе советско-монгольские отношения развивались интенсивно, и Монголия стала неотъемлемой частью мировой социалистической системы.

В результате помощи СССР и других социалистических стран в Монголии были созданы современная промышленность, строительство, транспорт и связь.

Развивалось образование и здравоохранение.

Таким образом, за 70 лет после народной революции 1921 г. Монголия превратилась из отсталой скотоводческой страны в современную со многими отраслями экономики и развитой социальной сферой.

Монголия была почти закрыта для капиталистических стран.

В Монголии произошла демократическая революция (1990 г.) и была принята новая конституция (1992 г.).

Монголия проводит миролюбивую, самостоятельную, много-векторную внешнюю политику, став демократической и открытой страной.

В настоящее время российско-монгольские политические отношения характеризуются как всестороннее стратегическое партнёрство. Но, к сожалению, экономические отношения стран отстают от потенциальных возможностей.

Хуухээгийн БАТЦЭНГЭЛ

Научно-образовательное пространство в перспективе двусторонних отношений

О смысле перспектив развития двусторонних отношений в контексте новой реальности, в которой находятся наши страны и народы, невозможно в форматах существующей до сих пор методологии и теории исторического развития международных отношений. Важен системно-пространственный подход, рассматривающий перспективу двусторонних отношений как живую систему.

Основа современной системы организации науки и образования в Монголии была создана сразу после установления дипломатических отношений между нашими странами (ноябрь 1921 г.). Уже в марте 1922 г. народное правительство Монголии в одном из первых декретов указало на необходимость приглашения советских учителей-советников со знанием монгольского языка.

БАТЦЭНГЭЛ Хуухээгийн – доктор экономических наук, профессор, директор Института современных исследований Монгольского университета поствысшего образования (Улан-Батор, Монголия). *E-mail:* ecbise@yahoo.com

С этой точки зрения необходимо ответить на следующие вопросы.

Вопрос первый. В обычной трактовке многие исследователи перспективу двусторонних отношений пытаются выяснить на основе анализа исторического опыта, исходя из которого стараются спрогнозировать главные тенденции этих отношений в будущем.

Вопрос второй. В основном дальнейшее развитие уже сложившихся традиционных отношений и форм сотрудничества в области науки и образования исследователями рассматривается в форме преодоления различного рода барьеров и ограничений для осуществления более эффективного сотрудничества.

Вопрос третий. В условиях новых реалий перспективу двусторонних отношений правомерно представить как формирование научно-образовательного пространства с постепенной интеграцией научно-образовательных потенциалов двух стран на основе современных институциональных, информационных, цифровых и других высокотехнологичных структур.

Вопрос четвёртый. Научно-образовательное пространство имеет вполне осязаемые структуры, элементы и содержание. В его основе лежит сама система двусторонних отношений со всем набором своих форм, механизмов, средств институционального обеспечения научно-образовательного сотрудничества.

Но в отличие от сотрудничества как такового научно-образовательное пространство рассматривается как живая система в многомерной динамике.

Основа общей концепции, более-менее единых взглядов на организацию науки и образования была разработана в то время, когда шло формирование современной системы образования, в том числе высшего, а организация Академии наук с самого начала осуществлялась с помощью Советского Союза. По существу, всё это было реализацией российской концепции системы организации науки и образования. Этот аспект не всегда учитывается при исследовании проблемы развития российско-монгольского научно-образовательного сотрудничества.

Семед СЕМЕДОВ

Российско-монгольские отношения в эпоху глобализации

Российско-монгольские отношения на протяжении всей истории двусторонних отношений характеризуются стабильностью и поступательным развитием при отсутствии конфронтации. В новых условиях глобализирующегося мира с несколькими центрами силы Монголия и Россия продолжают придерживаться принципов невмешательства во внутренние дела друг друга, равноправия, взаимной выгоды и взаимного уважения. Современные мегатренды глобального развития (в первую очередь ускорение международных политических процессов: «сжатие времени», ориентализация, глобализация, полицентрализация мира...), «глобальные волны демократизации», глобальные проблемы и вызовы оказывают существенное влияние на двусторонние российско-монгольские отношения, хотя, безусловно, пандемия *COVID-19* существенно замедлила и затормозила многие политические, экономические, военные, культурные, спортивные, образовательные, научные контакты между нашими государствами и народами.

Учитывая важность «внешнего контекста» (внешней среды), необходимо констатировать, что во многом двусторонние отношения Монголии и России зависят от позиций и действий Москвы и Улан-Батора. Рассматривая отношения двух стран, можно выделить несколько аспектов, в том числе политический, экономический, исторический, культурологический.

Политический аспект. Наши государства не конфликтовали, у нас не было серьёзных расхождений по вопросам мировой политики, региональных проблем.

У обеих стран нет проблем по вопросам политических систем в наших государствах. Мы не являемся антагонистами по участию в мировой политике: позиции стран по ключевым проблемам мировой и региональной политики, нового мирового порядка, определение путей и способов разрешения различных меж-

СЕМЕДОВ Семед Абакаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой международного сотрудничества Института управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). *E-mail:* sa-semed@mail.ru

дународных конфликтов во многом совпадают. Здесь налицо тип «неявного», «ненавязанного» сотрудничества (Милнер). Наши государства – стратегические партнёры.

С дипломатической точки зрения Монголия показывает, что она имеет равно высокие отношения с обоими соседями – великими державами. Монголия и Россия тесно сотрудничают в рамках международных организаций, проводя «согласование политик».

Наличие протяжённой границы (3,5 тыс. км) даёт возможность для налаживания более тесного пограничного сотрудничества, развития торговли, туризма, культурных, спортивных, студенческих и научных связей.

Геополитическая особенность Монголии – наличие сухопутных границ только с Китаем и Россией – во многом предопределяла и определяет внешнюю политику государства. В век глобализации и «тектонических» сдвигов в мировой политике и мировой культуре Монголия не замыкается на сопредельных государствах и стремится расширить поле для внешнеполитического маневрирования, активно развивая связи с внерегиональными акторами, включая США, Японию, Республику Корея, Евросоюз, Турцию, Индию и др. Данная совокупность международных акторов получила наименование «третий сосед».

Примером активного включения Монголии в международную жизнь может послужить проведение саммита международной организации «Форум Азия – Европа» (АСЕМ) в Улан-Баторе (лето 2016 г.), который имел для Монголии исключительно важное значение не только с точки зрения роста политического престижа и влияния страны, закрепления её позиций как связующего моста между Азией и Европой, но и расширения выгодно-экономического сотрудничества с КНР, Сингапуром, Вьетнамом, Японией и Республикой Корея.

Между Монголией и Россией достигнут высокий уровень взаимного доверия и понимания, отсутствуют нерешённые политические вопросы.

Экономический аспект двусторонних отношений является важным, необходимым и чувствительным.

Соглашение об экономическом коридоре между Россией, Монголией и Китаем, подписанное главами государств (июнь 2016 г., Ташкент, Узбекистан), предполагает состыковку Евразийского экономического пространства, китайского «Экономического пояса Шёлкового пути» и монгольского «Степного пути». Данное соглашение предполагает активизацию приграничных связей, а также реализацию более 30 трёхсторонних инфраструктурных и других инвестиционных проектов.

Единая энергетическая система двух стран, интегрированные экономики государств, международное разделение труда,

общий опыт социалистического 70-летнего пути развития, опыт многолетнего общения народов и нахождения в общих интеграционных объединениях разного плана, в том числе экономического характера (СЭВ) – всё это имеет большое значение как для современного, так и дальнейшего развития отношений между государствами. Всё это – основание для плавного интегрирования Монголии в структуры ЕАЭС, давая импульс экономическому развитию страны, позволяя привлекать инвестиции не только из России, но и из других стран – участников евразийской интеграции, в первую очередь из Казахстана. Для ЕАЭС это будет хорошим имиджевым ходом.

Культурологический аспект двусторонних отношений. Россия и Монголия относятся к разным цивилизациям, однако у наших стран есть много общего и совпадающего в исторической памяти. У нас единая знаковая система (кириллица), что во многом определяет ментальность общества. У нас очень много общих знаковых исторических событий: победа советско-монгольских войск на Халхин-Голе над японскими милитаристами (1939 г.), победа во Второй мировой войне.

Численность граждан Монголии, прошедших обучение в советско-российских учебных заведениях, составляет почти 70 тыс. чел.

Исторически Монголия и Россия развиваются синхронно на протяжении 100 лет: монгольское и российское общества пережили за пять поколений социалистическую революцию, две мировые войны и кардинальную «смену вех» 90-х годов – смену ценностей, сложные социальные и экономические реформы, которые привели к громадной трансформации социально-экономического развития стран.

Геополитическая обстановка в мире трансформировалась за 30 лет после распада социалистического лагеря, она стала более хаотичной и изменчивой и заметно радикализировалась. Несмотря на это, современные российско-монгольские отношения остаются стабильно дружественными, взаимовыгодными. Конечно, у наших стран есть нерешённые проблемы в двусторонних отношениях, что не говорит об их конфликтном характере. Современная геополитическая конфигурация мира со всеми своими нюансами и сложностями, отягощёнными пандемией COVID-19, всё же не мешает России и Монголии развивать всестороннее сотрудничество при открытости государств по отношению к третьим странам.

Александр СУХАРЕВ

Российско-монгольское гуманитарное сотрудничество

Известная, но сегодня подзабытая истина гласит, что, только осмысливая позитивные вехи прошлого, отдавая дань исторической памяти, мы прокладываем светлую дорогу в будущее.

90-е годы прошлого века стали тяжёлым испытанием для сотрудничества между нашими народами, в том числе и в сфере культурно-гуманитарного взаимодействия. Утрата общих идеологических и ценностных ориентиров, свёртывание Россией в одностороннем порядке большинства направлений двустороннего сотрудничества поставили Монголию перед практически безальтернативным выбором поиска новых международных партнёров, выработки сбалансированной политики «трёх соседей» при сохранении своей этнонациональной и культурной идентичности.

При ограниченности собственных ресурсов и объективно высокой зависимости от внешней помощи это не могло не сказаться на формировании новых форматов иностранного влияния в гуманитарной сфере, что неизбежно привело к ставшей уже традиционной модели многовекторности внешнеполитического сотрудничества, негативные последствия которой по отношению к России мы наглядно видим на примерах ряда государств постсоветского пространства.

Начнём с *языковой проблемы*, базового скрепа межнациональных отношений, формирующего культурно-гуманитарные основы преемственности и воспроизводства в следующих поколениях общей исторической памяти. Общая оценка: среди современной молодёжи уровень знаний и интереса к русскому языку заметно снизился. На первом месте стоит английский язык, китайский язык по количеству обучающихся вплотную подошёл к русскому, и такими темпами он скоро потеснит русский на третью строчку. В определённой степени здесь сказалось влияние позиции государства, которое ввело норму обучения русскому языку в школах с 10-го по 12-й класс в качестве факультатива.

СУХАРЕВ Александр Иванович – доктор политических наук, профессор кафедры международного сотрудничества Института управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). *E-mail*: aisoukharev@gmail.com

Ситуация за пределами Улан-Батора ещё хуже. Вместе с тем следует отметить, что после десятилетий застоя по этому направлению гуманитарного сотрудничества за последнее время усилиями «Россотрудничества» и его представительства в Монголии (Российского центра культуры и науки – РЦНК) в деятельности по продвижению русского языка произошли заметные позитивные сдвиги. Особенно востребованной оказалась такая форма работы, как открытие центров русского языка в регионах Монголии (аймаках).

По оценкам монгольских студентов, приезжающих на обучение в Россию, высоко котируется эффективная работа по подготовке абитуриентов по русскому языку в так называемых Ломоносовских центрах МГУ, учёба в которых фактически снимает проблему языкового барьера.

Второе важное направление гуманитарного сотрудничества – это *реализация совместных образовательных программ*. За прошедшие годы в СССР и Российской Федерации получили высшее образование более 70 тыс. монгольских граждан, основная часть которых относится к старшему поколению.

В 2006 г. квоты на обучение в российских вузах составляли около 200 мест, в 2011 г. – 270, а к 2018 г. это количество выросло почти вдвое, включая 30 грантов по линии Минкульта.

Поступательная динамика вроде бы очевидна. Но если сравнить с совокупными грантовыми программами обучения других стран, например, Германии, США, Польши, Китая, Южной Кореи, то Россия здесь явный аутсайдер. Соответственно, как показали опросы обучающихся в России студентов из Монголии, престижность образования в Европе или в азиатских странах среди монгольской молодёжи намного выше.

Тем не менее сформировавшаяся институционально-правовая основа российско-монгольского сотрудничества в сфере образования позволяет наращивать взаимовыгодные усилия в гуманитарной сфере.

Важным аспектом для понимания ситуации в Монголии с точки зрения оценки гуманитарной среды и внешнего влияния на становление гражданского общества в стране является деятельность иностранных НПО.

Модели НПО-дипломатии для инфильтрации практически во все сферы социально-политической жизни третьих стран отработаны сообществом западных стран по традиционным стереотипным лекалам. Монголия не является исключением.

Всего в Монголии зарегистрировано около 100 иностранных НПО, из которых американские фонды и благотворительные организации составляют подавляющее большинство.

В сфере публичной дипломатии российские неправительственные структуры и организации представлены весьма скудно, и их активность крайне невелика. Пожалуй, можно только выделить деятельность фонда «Русский мир», финансовая составляющая работы которого неизмерима по сравнению с совокупными расходами консолидированного сообщества западных и азиатских фондов и организаций содействия развитию.

В целом, несмотря на периодические изменения в правительстве и колебания политического курса в высших эшелонах власти Монголии, социально-гуманитарный фон благожелательного отношения к России и русским в стране не только сохранился, но и появилась, особенно у старшего поколения, некая ностальгия по временам многостороннего сотрудничества с близким соседом, что создавало условия для материального благополучия и защищённости.

Двусторонним российско-монгольским отношениям, в том числе и в сфере гуманитарного сотрудничества, крайне необходим предметный импульс в виде масштабного, взаимовыгодного экономического или инфраструктурного проекта, который придаст ускорение всем видам межгосударственных связей. Таким фактором может стать проект трансазиатского транзита через Монголию в Китай новой ветки газопровода «Сила Сибири – 2».

Виктория СУХАРЕВА

Имидж Монголии: между самобытностью и глобализацией

В настоящее время можно наблюдать процесс формирования национальной, политической, экономической, культурной идентичности Монголии и её позиционирование в мировом рейтинге стран.

СУХАРЕВА Виктория Александровна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры международного сотрудничества Института управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). *E-mail:* radiovms@gmail.com

С чем чаще всего ассоциируется Монголия? Какими словами и понятиями она забрендирована?

Бренд-слова: страна вечно синего неба, степь, пески/пустыня, Чингисхан, юрта, кочевники, луки, приключение, лошадь Пржевальского, монгольский волк/степной волк, яки, верблюды, орлы, шаманы, буддизм, кашемир, девственная/первозданная природа, пока не разрушенная руками человека.

Монголия – она какая?

Бренд-слова: древнейшая, когда-то великая, далёкая, советская, малоизвестная, самобытная, таинственная, неожиданная, естественная, спокойная, удивительная, гостеприимная, бескрайняя. Но нет слова «цивилизация», время остановилось; всё, как и 100 лет назад, древние/сохранившиеся традиции, ярко, дико, последние в мире.

Характерно, что среди бренд-слов Монголии нет характеристик силы (агрессивная, сильная), нет слов из XXI в., нет технологических или инновационных понятий. Этот лексический портрет даёт микрослепок восприятия Монголии в мире. Это «застывшая страна-невидимка», «страна, в которой ничего не происходит».

С точки зрения геополитических характеристик: чрезвычайно малонаселённая территория, большинство жителей проживает в столице Улан-Баторе.

А ещё Монголия – страна, «зажатая между двух сверхдержав», так называемых «вечных соседей» России и Китая, что делает её очень привлекательной для геополитических игр.

С точки зрения национальных характеристик: страна добрых и неискушённых, близких к природе людей, как 1000 лет назад.

С точки зрения политико-экономических характеристик: страна, застрявшая между этапами исторического развития – феодализмом, социализмом и на пути к капитализму.

При этом отдельно отмечается, что Монголия – страна, чрезвычайно богатая ресурсами, большой и быстрорастущий в мире рынок сырья (месторождения золота, угля, меди), инвестиционно привлекательная, с растущей экономикой.

Фактически Монголия позиционируется как потенциальный сырьевой придаток.

Не менее важны для анализа имиджа страны бренд-персоны: исторические персонажи, политики, писатели и пр., которые чаще всего ассоциируются со страной.

Монголия забрендирована великим воином-завоевателем Чингисханом.

Возникает естественный вопрос: что происходит в стране, если за девять веков не появилось никого, кого можно было бы выставить как бренд-персону? И если внятного ответа нет, то

происходит закрепление восприятия: Монголия = Чингисхан – XII в. – юрты – степная цивилизация. Да, когда-то великая, но в XXI в. – отсталая страна.

Туристический имидж Монголии самый устойчивый и привлекательный из всех элементов имиджа государства: спокойная страна аутентичной культуры и нетронутой природы. Рай для этно- и экотуристов.

Монгольское правительство понимает всю сложность своего политического, экономического, социокультурного положения и пытается в сложившейся ситуации получить максимальную выгоду из сильных сторон своего имиджа и скорректировать те аспекты, которые тормозят её развитие. А ещё, решая свои национальные задачи, Монголия пытается не перессориться с глобальными державами (Россией, Китаем и США).

Выбор у неё сложный. Если Монголия останется с Россией – у неё будут проблемы с США. Если главным партнёром Монголии станет Китай, то проблемы у неё будут также с США и, возможно, с Россией. Если Монголия уйдёт под политический протекторат США, то Россия и Китай могут доставить ей много неприятностей.

Для того чтобы не обострять политическую ситуацию и не ограничивать свои экономические возможности, Монголия предпринимает определённые шаги для защиты своего права не принимать однозначных решений, например, заявляет о статусе политически нейтрального государства, но территории, открытой для инвестиций; запускает проекты типа «Степной путь», выгодные России и Китаю; открывает границы для англоязычной культуры и образования, заигрывая таким образом с США, и пр.

При этом на всех уровнях Монголия активно позиционируется как страна, идущая своим национальным путём и сохраняющая национальные традиции.

Кнопка номер один для национального самосознания Монголии – кнопка «великой державы».

США объявляют Монголию своим стратегическим партнёром по региону. И открыто предлагают совместный путь к особой роли Монголии в XXI в. – путь к былому величию, а именно: «В партнёрстве с США Монголия может пересказать старую историю с новым образом государства XXI века, и внести свой вклад в создание свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона».

Параллельно США, используя разные инструменты «мягкой силы», пытаются ассимилировать Монгольский регион через языковые и культурные программы.

В свою очередь Монголия начала программу системной перезагрузки страны, где проблемам имиджа уделяется много вни-

мания. Национальный колорит, этнические особенности и свой особый путь – ключевые черты имиджа.

Более того, речь идёт о продвижении монгольской цивилизации как одной из немногих сохранившихся в XXI в. Это позволяет Монголии не гнаться за модой в сфере стратегического позиционирования государства и открывает огромные возможности.

Можно выделить несколько программ развития государства и формирования имиджа Монголии:

- программа развития государства «Дальнее видение 2050»;
- национальная программа развития науки и технологий в Монголии;
- программы по пропаганде Монголии за рубежом;
- национальная программа по развитию туризма до 2021 г.

Своей национальной политикой и стратегией брендинга Монголия показывает, что можно сохранять национальную гордость, достоинство, этнос и цивилизацию и при этом двигаться вперёд, встраиваться в международные процессы, трансформируя свои недостатки в конкурентные преимущества.

Антонина ДОНГАК

Генеральное консульство Монголии в Кызыле

После согласительных процедур между правительствами России и Монголии 24 мая 1994 г. подписано Распоряжение Правительства Российской Федерации об открытии в г. Кызыле Республики Тыва отделения Генерального консульства Монголии в г. Иркутске. Это событие произошло спустя

ДОНГАК Антонина Саар-ооловна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклористики Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (Кызыл, Россия). *E-mail:* antdon@mai.ru

несколько десятилетий после прекращения деятельности дипломатического представительства МНР, функционировавшего в период Тувинской Народной Республики (Танну-Тува) после её добровольного вхождения в состав СССР (1944 г.).

Открытие консульства МНР в Туве обусловлено необходимостью восстановления, обновления и дальнейшего углубления взаимных добрососедских отношений, развития связей между Республикой Тыва и Монголией в различных сферах.

Деятельность Консульского представительства Монголии в Кызыле дала новый импульс возобновлению и активизации торгово-экономических и культурных связей между Республикой Тыва и Монголией, её приграничными аймаками.

Решение правительства Российской Федерации от 19 марта 2001 г. об открытии Генерального консульства Монголии в Кызыле (Республика Тыва Российской Федерации) явилось показателем укрепления отношений между Россией и Монголией. В то же время шли переговоры и консультации об открытии Представительства Республики Тыва в г. Улангоме Увс аймака (открыто в 2003 г.).

Открытие монгольских представительств позволило повысить эффективность торгово-экономических, культурных и гуманитарных связей между гражданами двух стран.

Консульский округ Генерального консульства Монголии в Кызыле охватывает республики Алтай, Тува, Хакасия и Алтайский край.

Генеральное консульство Монголии в Кызыле в тесном сотрудничестве с государственными учреждениями Монголии и России обеспечивало визой российских граждан, выезжающих в Монголию с туристической, коммерческой и иной целью, а также занималось вопросами укрепления пограничного режима на монголо-тувинском участке государственной границы. Консульство оказывает юридическую и иную помощь монгольским гражданам, постоянно проживающим в Туве и других субъектах России, защищает их права и свободы.

Татьяна ЯШКОВА

Геополитический фактор: развитие отношений между Россией и Монголией

Россия – Монголия – Китай

Геополитический фактор играет значимую роль в становлении отношений между Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Монгольской Республикой.

Сущность многих исторических событий и исторических путей России объясняется её геополитическим положением. Геополитическую значимость России не раз отмечали классики геополитики, такие как Х. Макиндер, К. Хаусхофер, Н. Я. Данилевский, «евразийцы» и др. Она заключается в том, что Россия, располагаясь в центре Евразии, согласно многим концепциям, занимает срединное, центральное, место (хартленд) на геополитической карте мира, контроль над которым является предметом вожделения геополитических центров силы на протяжении вот уже многих веков.

Уникальное геополитическое евразийское положение может позволить России стать важнейшей транспортной коммуникацией, связывающей железнодорожными, шоссейными, воздушными и океанскими магистралями Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), Северную Америку и Центральную Азию, Северную Америку и Европу.

Современная Россия придаёт особое значение Азиатско-Тихоокеанскому региону и заинтересована в его интеграционных процессах, так как он обладает огромными человеческими и природными ресурсами. Ключевым фактором для России в АТР является расширение и углубление экономических связей, что очень важно для развития российских восточных территорий. При этом отсутствие прогресса в этой области неизбежно

ЯШКОВА Татьяна Алексеевна – доктор политических наук, профессор Академии Труда и Социальных Отношений (Москва, Россия). *E-mail:* yashkova@yandex.ru

приведёт к изоляции России с развитием негативных внутренних процессов.

Военно-политическая обстановка в АТР требует создания новой системы безопасности.

В регионе есть несколько государств, на которые должно быть нацелено внимание России: Китай, оба корейских государства, Япония, США.

Китай стремительно набирает геополитический и геоэкономический потенциал, обладает значительным военным потенциалом в регионе, а его Народно-освободительная армия является крупнейшей в мире по численности.

Геополитическое положение Монголии делает её значимым партнёром для России в АТР.

Остановившись на историческом аспекте, необходимо отметить, что между СССР и Монголией сложились давние добрососедские отношения. Ещё 5 ноября 1921 г. был подписан Договор об установлении дружественных отношений между Монголией и молодой Россией, который заложил основу двусторонних взаимоотношений.

Распад социалистического блока в конце XX в. заставил Монголию провести ряд реформ, касающихся внутренней и внешней политики.

На сегодняшний день российско-монгольские отношения затрагивают все сферы (визиты на высшем уровне, встречи глав государств и правительств на площадках различных международных саммитов и конференций).

Примерами сотрудничества в экономике могут служить российско-монгольское совместное АО «Улан-Баторская железная дорога», а также компания «МИАТ – Монгольские авиалинии», которая ещё в 1956 г. совершила первый международный рейс.

Сбалансированное развитие наблюдается в области образования, науки, культуры, военной и гуманитарной сферах. Постоянно увеличивается количество квот для граждан Монголии, обучающихся в вузах России по государственной программе.

В настоящее время Монголия реализует три масштабных проекта в горнодобывающей отрасли: разработка месторождения меди и золота Оюу-Толгой, коксующегося угля Таван-Толгой и урана Дорнод. Подписанные в декабре 2010 г. главами правительств двух стран соглашения содействуют разработке уранового месторождения Дорнод. В проектах Оюу-Толгой и Таван-Толгой участвуют китайские, канадские и корейские партнёры.

На межгосударственном и межправительственном уровне между Россией и Монголией подписано более 200 договоров и соглашений.

Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин подчеркнул, что необходимо прикладывать больше усилий для со-

гласования инициативы «Один пояс – один путь» с программой развития Монголии, главной целью которого является укрепление сотрудничества в области связи, содействие развитию транспортной инфраструктуры, создание производственных мощностей, наращивание инвестиций и торговли.

Монголия обеспечивает свою безопасность дипломатическими, экономическими и политическими средствами, активно сотрудничает и является членом многих мировых интеграций, участвует в миротворческих миссиях ООН.

Иван ИГНАТОВ

Монгольская концепция «третьего соседа» и её влияние на развитие российско-монгольских отношений

Концепция «третьего соседа» была разработана в Монголии в 90-е годы в условиях необходимости выработки нового курса внешней политики после распада СССР. Суть этой концепции – использование связей с государствами Востока и Запада в качестве дополнительной опоры для развития, проведения внутренних реформ и укрепления безопасности страны в противовес контактам с ближайшими соседями монголов – Россией и Китаем. Во многом идея «третьей силы» в монгольском варианте имеет идеологический характер: она связана с сохранением ценностей, возобладавших в её политической жизни после 1990 г.

ИГНАТОВ Иван Андреевич – соискатель степени кандидата наук МГИМО(У) МИД России (Москва, Россия). *E-mail:* sienar93@yandex.ru

Страны «третьего соседа» с готовностью пошли на расширение связей с Улан-Батором, рассчитывая укрепить своё политическое и экономическое влияние в Монголии и Северо-Восточной Азии.

На первом этапе они предоставили Монголии гуманитарную помощь для содействия переходу страны к демократическому политическому режиму и рыночной экономике, облегчив этот процесс для населения страны, которому грозил голод. Впоследствии стали развиваться и другие направления сотрудничества Монголии с этими государствами, предоставление помощи при этом продолжилось, поскольку для её дальнейшего экономического роста по-прежнему требуется приток средств из-за рубежа.

Проявились и различия в подходах к связям с Монголией среди западных и восточных стран «третьего соседа».

Для стран Запада при контактах с Монголией ключевую роль играет геополитический фактор: монгольскую модель реформ они расценивают как пример для государств Восточной и Центральной Азии, а саму страну – как плацдарм для расширения своего влияния в стратегически важном регионе.

Для стран Востока геополитический фактор тоже играет свою роль, но одновременно они рассматривают Монголию как перспективный рынок сбыта и партнёра при реализации взаимовыгодных экономических проектов, а также значимого посредника при урегулировании конфликтов в регионе. При этом и те и другие поддерживают продолжающиеся в стране либеральные политические и экономические реформы.

После размораживания российско-монгольских связей России приходится конкурировать с «третьим соседом» и КНР за влияние в стране, но ухудшение отношений между Россией и странами Запада, а также между КНР и США грозит нарушить сложившийся статус-кво. Не исключено, что при дальнейшем росте напряжённости в отношениях между ближайшими соседями Монголии и её «третьим соседом» Улан-Батору попытаются навязать выбор между ними, подобно тому, как это происходило ранее с другими государствами на постсоветской территории.

Российской стороне следует учитывать это при работе на монгольском направлении и принимать во внимание те вызовы в сфере национальной безопасности, которые встанут перед ней и Монголией, если последнюю будут принуждать сделать такой выбор.

Валентина КУЗНЕЦОВА, Ольга МАШКИНА

Роль образования в реализации концепции «Один пояс – один путь»

Китай рассматривает образование как важный компонент достижения целей концепции «Один пояс – один путь». После провозглашения инициативы «Один пояс – один путь» (2013 г.) в интернационализации китайского образования произошёл ряд заметных изменений: наряду с продолжением политики привлечения из-за рубежа (направление «приглашаем приходить») студентов, педагогов, образовательных моделей и технологий Китай всё больший упор делает на экспорт (направление «идти вовне») своих образовательных программ, преподавательских кадров, студентов, технологических образовательных разработок.

Образовательная политика Китая, направленная на поддержку инициативы «Один пояс – один путь», реализуется на основе провозглашённых целей, принципов и решаемых задач, общее представление о которых нашло отражение в плане Министерства образования КНР (2016 г.), где определены, в частности, такие цели, как формирование общего образовательного пространства со странами – участницами маршрута «Один пояс – один путь», прежде всего в области высшего и среднего профессионального образования.

Наиболее масштабными реализуемыми международными образовательными проектами, получившими широкую известность, стало формирование Китая в странах ареала «Одного пояса – одного пути» институтов и кабинетов Конфуция и альянсов университетов.

КУЗНЕЦОВА Валентина Вильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью, факультет государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). *SPIN-код:* 8563–4667, *E-mail:* vkuz_55@mail.ru

МАШКИНА Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). *SPIN-код:* 4927–6636, *E-mail:* oliya-m@yandex.ru

Институты Конфуция помимо обучения китайскому языку ставят своей целью популяризацию достижений китайской культуры и углубление знакомства иностранцев с китайской историей и традициями.

Деятельность университетских альянсов направлена как на развитие и углубление многостороннего и двустороннего сотрудничества вузов, так и на продвижение китайских методов и стандартов обучения, расширение студенческой и преподавательской мобильности. Кроме того, она способствует росту интереса китайских студентов к изучению помимо английского языка языков соседних стран.

Система образования Монголии в последние годы получила огромное развитие.

На нужды образования выделяются значительные бюджетные средства.

Тем не менее в системе высшего и профессионального образования Монголии есть ряд не до конца решённых проблем, в частности, при росте запросов со стороны населения на образование монгольские вузы не в состоянии их полностью удовлетворить.

Китайско-монгольское образовательное сотрудничество активно развивается по нескольким направлениям.

Во-первых, растёт число монгольских студентов, обучающихся в китайских вузах как по программам двусторонних студенческих обменов, так и по собственному выбору.

Во-вторых, в Монголии действуют три института Конфуция, а изучение китайского языка включено в учебные планы многих образовательных организаций.

В-третьих, создан альянс университетов Китая, Монголии и России «Шёлковый путь».

Чтобы образовательное сотрудничество между странами – участницами проектов «Один пояс – один путь» стало действительно взаимовыгодным, системным, странам предстоит преодолеть ряд сложившихся стереотипов, ограничителей, а также потенциальных препятствий, как социально-экономических, так и политико-правовых.

Владимир РОДИОНОВ

Индия как «третий сосед» Монголии

Российско-монгольские отношения за последние 100 лет прошли длинный путь. За это время наша страна была главным и по большому счёту единственным гарантом независимости и безопасности Монголии. С начала 90-х годов ситуация в мире в целом и в российско-монгольских отношениях в частности радикально поменялась. Наряду с Россией внешнеполитическими партнёрами Монголии стали государства, отношения с которыми являются важным фактором, воздействующим на российско-монгольское сотрудничество, его характер и динамику.

В основу внешнеполитической стратегии современной Монголии положен приоритет развития отношений по трём главным направлениям.

К первым двум относится сотрудничество с традиционными партнёрами и вечными соседями Монголии – Россией и Китаем. Ещё одно направление обозначено термином «третий сосед», под которым подразумевается ряд государств, не имеющих общей границы с Монголией, но по ряду причин имеющих свои интересы в регионе.

По общему мнению, главная цель подобной стратегии Улан-Батора – уравновесить влияние основных внешнеполитических акторов, извлекая выгоду из сотрудничества с каждым из них, т. е. речь идёт о многовекторной внешней политике.

К «третьему соседу» Монголии относятся США, Япония, Республика Корея, государства – члены ЕС, Турция. Отдельное место в этом ряду занимает Республика Индия. Так, в концепции монгольской внешней политики Индия упоминается среди стран, в отношении которых Улан-Батор намерен «проводить политику, направленную на развитие дружественных отношений».

Имидж «крупнейшей демократии мира», закрепившийся за Индией в последние десятилетия, выступил фактором её идеологического сближения с постсоциалистической Монголией.

РОДИОНОВ Владимир Александрович – доктор политических наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия). E-mail: vladimir_198025@mail.ru

В течение последних 30 лет монголо-индийское сотрудничество поддерживалось во всех основных сферах отношений, хотя и не везде одинаково успешно. Для Монголии важнейшим аспектом отношений с «третьим соседом» традиционно выступает задача диверсифицировать торгово-экономические связи и тем самым снизить зависимость от России и Китая.

Новым по сравнению с социалистическим периодом стало сотрудничество в военной сфере.

Отдельным аспектом монголо-индийских отношений нужно признать взаимодействие в культурно-религиозной сфере. На сегодняшний день в Индии получают религиозного образования будущие монгольские ламы.

Роль Монголии во внешнеполитической стратегии Индии в последние годы возрастает. По итогам официального визита в мае 2015 г. премьер-министра Индии Нарендры Моди стороны приняли Декларацию о стратегическом партнёрстве, что сделало Индию четвёртой страной (после России, Японии и Китая), с которой у Монголии были установлены отношения подобного рода.

Важнейшим (если не ключевым) драйвером современных монголо-индийских отношений является фактор Китая. С одной стороны, значительно возросла экономическая зависимость Монголии от южного соседа, что заставляет её активизировать поиск альтернативных точек опоры во внешнем мире, а с другой – обострение индийско-китайского соперничества вплоть до локальных приграничных конфликтов стимулирует политику Нью-Дели по укреплению своих позиций в странах, соседствующих с КНР.

Активизация индийской политики в отношении Монголии определённым образом отражается и на интересах России.

Во-первых, на средства выделенного индийской стороной кредита в Монголии строится нефтеперерабатывающий завод. В случае его успешного запуска объёмы российского экспорта в Монголии, представленного в основном нефтепродуктами, могут серьёзно снизиться.

Во-вторых, учитывая тесное сотрудничество Москвы, Улан-Батора и Пекина в ряде трёхсторонних экономических и логистических проектов, возможное усиление антикитайских настроений в Монголии под влиянием третьих стран может негативно отразиться на перспективах реализации данных проектов.

Цзя ИНЬКЭ

Торгово-экономическое сотрудничество Китая с Россией и Монголией

Сотрудничество Китая с Россией и Монголией в торгово-экономической сфере развивается по следующим направлениям. *Торгово-экономическое сотрудничество КНР с Россией.* Российско-китайские отношения характеризуются высокой динамикой развития, прочной правовой базой, разветвлённой организационной структурой и активными связями на всех уровнях. Современные российско-китайские отношения официально определяются сторонами как отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху. С 2010 г., 11 лет подряд, Китай является крупнейшим торговым партнёром России.

Между российскими и китайскими регионами сложились 363 партнёрские пары.

Межрегиональное сотрудничество Китая и России будет способствовать поступательному развитию двусторонних торгово-экономических отношений.

Страны установили цель увеличить товарооборот Китая и России к 2024 г. до 200 млрд долл.

Торгово-экономическое сотрудничество КНР с Монголией. Китай и Монголия – дружественные страны-соседи «с общими горами и водами». Страны являются всеобъемлющими стратегическими партнёрами, работают в тесном взаимодействии для облегчения торговли, улучшения структуры и увеличения объёма инвестиций. КНР является основным торговым партнёром Монголии и крупнейшим инвестором в монгольскую экономику.

Экономический коридор Китай – Монголия – Россия. Место Монголии в современной системе международных отношений уникально. Формирование треугольника Россия – Китай – Монголия выгодно всем его участникам. Москва и Пекин получают шансы более эффективно сдерживать активность других международных игроков на монгольском направлении,

ИНЬКЭ Цзя – глава Торгово-экономического представительства провинции Цзянсу КНР в РФ и СНГ (Китай).

а Улан-Батор имеет возможность нарастить поставки своей продукции на российский и китайский рынки.

При этом активизировалось сотрудничество в трёхстороннем формате на высшем уровне.

На встрече лидеров России, Китая и Монголии (12 сентября 2014 г., Душанбе) председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул идею строительства экономического коридора Китай – Монголия – Россия. Принципиально важным стало подписание программы экономического коридора трёх стран, который будет создан за счёт сопряжения Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шёлкового пути», а также монгольской инициативы «Степной путь». Программа была утверждена на саммите ШОС в Ташкенте (июне 2016 г.).

Торговые войны между США и КНР объективно создают условия для расширения многосторонних связей в треугольнике Россия – Монголия – Китай.

Гульмира ДЖУНУШАЛИЕВА

Монголия в рамках ШОС: геополитическая стратегия между Россией и Китаем

С дезинтеграцией Советского государства страны социалистического блока прошли болезненную экономическую перестройку, обусловленную переходом от плановой экономи-

ДЖУНУШАЛИЕВА Гульмира Дженишевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Реклама и связи с общественностью» Гуманитарного факультета Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина (Бишкек, Киргизия). *SPIN-код*: 7133–3468, *E-mail*: dzun_gulmera@mail.ru

ки к либеральной. Экономическая трансформация существенным образом повлияла на политический ландшафт как внутри стран, так и на региональном уровне. На глобальном уровне в однополюсном политическом мире они оказались в ситуации, когда пришлось встраиваться в политическую систему, формируемую глобальными акторами. Монголия, как и все страны постсоветского пространства, столкнулась со значительными трудностями, которые были вызваны диспропорциональностью развития национальной экономики и проблемами в сфере социального обеспечения.

Интеграционные процессы Евразийского континента, направленные на укрепление экономических связей, развитие инфраструктуры транспортно-логистических торговых коридоров, обеспечение региональной безопасности, предлагают несколько форматов интеграционных объединений. Одним из таких объединений является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Региональное экономическое сотрудничество Монголии со странами – членами ШОС обусловлено географическими детерминантами, удалённостью рынка страны от сухопутных и морских транспортных коридоров, связывающих локальные рынки с мировым.

МНР обладает значительными природными ресурсами, которые нуждаются в значительных инвестиционных вложениях.

Двусторонние взаимоотношения, выстраиваемые Монголией с ведущими странами, и политика нейтралитета на данном этапе дают определённые дивиденды государству, но не придают устойчивости экономическому развитию, что неизбежно сказывается на политической сфере.

Реализуемая Монголией концепция «третьего соседа», как противовес России и Китаю, в условиях наметившейся утраты глобального лидерства США потенциально может вызвать изменение внешнеполитической доктрины и сближение внешнеполитических приоритетов с позицией России.

Внешнеполитическая стратегия Монголии строится на балансировании между интересами глобальных и региональных политических акторов.

Это выражается в следующем:

- помощь США в модернизации монгольской армии, программы стажировок для граждан МНР, финансирование отдельных программ развития;
- списание внешнего долга (98%) Российской Федерацией, разработка проектов по модернизации железных дорог, газификация республики, строительство газопровода из России в Китай;

– почти половина экспорта монгольской продукции и четверть импорта связаны с китайским рынком, что обеспечивает Китаю статус самого крупного инвестора и внешнеторгового партнёра.

Развитие транспортной инфраструктуры и оказание транзитных услуг в торговых отношениях между Россией и Китаем требует поиска аргументов для российской заинтересованности в инвестиционных проектах в Монголии.

Монголию беспокоит растущее влияние КНР на глобальные и региональные международные процессы.

Используемая политическая стратегия, основанная на поддержании двусторонних связей, за последние три десятилетия потеряла свою эффективность. Интеграция МНР в региональные международные процессы становится частью внешнеполитического курса страны при активном участии в многосторонних интеграционных институтах. Это позволяет уравновесить геополитическую уязвимость.

На данном этапе говорить об изменении статуса наблюдателя в ШОС Монголии ещё рано, хотя руководство страны не исключает такую вероятность. Более определённые шаги во внешней политике Монголии станут возможны тогда, когда перспективы глобального политического устройства станут более ясными.

Жылдыз УРМАНБЕТОВА

Ментальные особенности кочевой цивилизации

Деление человечества на оседлые и кочевые народы старо как мир. Если заглянуть в историю, кочевники никогда не волновались о том, что о них подумают другие. Это и есть по-

УРМАНБЕТОВА Жылдыз Карыбаевна – доктор философских наук, профессор отделения философии Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Бишкек, Киргизия). *E-mail:* urmanbetova.j@gmail.com

зияция самодостаточности. Однако такая самодостаточность не исключает необходимости определения системы кочевой культуры, базирующейся на специфике ментальных особенностей, которые в совокупности выступали основанием культуры мышления кочевников.

В истории и философии на протяжении веков кочевую (кочевую) цивилизацию либо игнорировали, либо считали застывшей. Именно представители оседлых цивилизаций из века в век утверждали, что культура может зародиться только в условиях оседлости, неустанно повторяя, что кочевники – дикари и варвары, способные лишь на разрушения. (Это мнение таких учёных Востока и Запада, как, например, А. Тойнби, Ф. Ратцель, В. Масальский, С. Радхакришнан, Г. Гачев и др.)

Кочевая цивилизация в истории развития человечества принципиальным образом отличается от оседлой, поскольку кочевье – это один из путей, с одной стороны, чтобы выжить и не потерять гармонию с этим миром, а с другой – увидеть мир в несколько другом ракурсе.

Кочевая цивилизация представляет собой определённую систему культуры, отражающую специфические черты мышления.

Культура кочевников целостна по природе, обладает своей универсальной концепцией бытия, его понимания, что образует своеобразие мышления и самосознания.

Культура мышления кочевников проецирует уникальность мировосприятия. К таким особенностям ментальной культуры кочевников относятся:

- космическое ощущение в своей Ойкумене;
- созерцательность как способ понимания бытия, когда микромир (человек) и макромир (Вселенная) переливались друг в друга на уровне воображения;
- динамизм как следствие постоянных перемещений;
- активность как следствие глубинной свободы и органической составляющей мышления;
- воинственность как следствие героического сознания;
- терпимость (толерантность) вследствие глубокого понимания и осознания благодати Вселенной, в которой сосуществуют различные представители;
- экологичность мышления, когда природа мыслилась в качестве дарующей жизнь первосилы и продолжения собственного «я» человека;
- пространственность, проецирующая приоритет пространственных ориентиров над временными;
- конкретность мышления;

– интуитивность, рождённая особой природовосприимчивостью;

– символичность, когда само формирование этого уникального типа мышления приобрело значение символа;

– контекстуализм, т. е. осознание себя в контексте рода (горизонтальная преемственность поколений отражалась в особой форме этнической памяти). С этим связано понятие «семи отцов» как необходимого алгоритма смены поколений.

Особым аспектом кочевого мира предстают *игры*.

Согласно Й. Хейзинги, «игра старше культуры, ...вместе с игрою признают и дух. Культура возникает в форме игры. ...Культура в её изначальных фазах имеет характер игры, осуществляется в формах игры и проникается её настроением... Культура происходит из игры, как живой плод, который отделяется от материнского тела, она развивается в игре и как игра. Культура зачинается не как игра и не из игры, а в игре».

Именно поэтому можно говорить о том, что игры кочевников создавали своеобразие их культуры.

Второе концептуальное значение кочевья заключается в том, чтобы играть роль в особенные периоды истории. Именно история заложила эту специфику: когда Восток и Запад ещё не знали о существовании друг друга, именно кочевники выступили первыми информаторами. Тем самым номады способствовали формированию всемирной истории. Этот удел проявился и в конце XX в., когда возник социокультурный взрыв в результате разрушения огромного государства, и возник некий хаос. И в этих условиях опять всплыло понятие кочевья как некоего моста для соединения различных культурных миров.

Современная трактовка кочевья представлена в формате цифровых кочевников – это современный бренд, понятийная инновация, символизирующая собой свободу без границ. Это продукт глобализации.

В этом смысле свобода как универсальная ценность «упаковывается» в вид современного кочевья. Современные номады используют метафору кочевья как некую идеализацию, способную придать новый ритм жизни.

Эльмира АДИЛЬБЕКОВА

Три кита монгольского шаманизма: религиозная толерантность, равноправие женщин и экология

До современной эпохи степи Евразии служили одним из главных перекрёстков цивилизаций. Люди, товары и идеи пересекали эти огромные просторы с удивительной быстротой в эпоху, ориентированную на скорость животных. Этот евразийский мир был разделён на три экономические системы, которые иногда взаимодействовали симбиотически, а иногда вступали в кровавые конфликты. Исторические свидетельства в основном сосредоточены на последнем, поскольку столкновение этносов всегда казалось более достойным внимания.

У каждого народа свой национальный взгляд на мир. Этот феномен выражается в понятии «этническая картина мира», которая формируется исторически, выступает своеобразной матрицей, где отражаются все аспекты жизнедеятельности: обычаи, обряды, ценности и идеалы повседневной жизни, обеспечивающие преемственность культуры.

Основу традиционной картины мира кочевников составляют шаманские представления о мире и представления народа о природе.

Природа – это неотъемлемый компонент традиционной картины мира тувинцев. С точки зрения шаманского мировосприятия, вся природа – в её самом широком понимании – одухотворена, одушевлена, уподоблена человеку: вершина горы, верхушка дерева, верховье реки, начало года – это голова. Возвышенность – это спина. Руслу, овраги, ветви – это руки. Корни деревьев – это жилы и кровеносные сосуды.

АДИЛЬБЕКОВА Эльмира Сейтимовна – кандидат филологических наук, доцент факультета турецкого языка и литературы Международного казахско-турецкого университета им. Ахмеда Ясави (Туркестан, Казахстан). *E-mail:* adilbek_elmira@yahoo.com

У кочевых народов пространство и время неразрывны, поскольку сам кочевой образ жизни требует смены места во времени. Природа выступает как источник жизни, природа – это некое связующее звено между микрокосмом и макрокосмом.

Традиционный образ евразийского кочевника как завоевателя и грабителя сильно преувеличен. На протяжении истории кочевник подвергался такому же притеснению, как и его оседлый сосед, хотя было предложено множество объяснений причин вторжений кочевников в оседлый мир: иссушение пастбищ, жадность «варваров» к благам «цивилизованного» общества, необходимость экономического взаимодействия с оседлым обществом.

И люди, ведущие оседлый образ жизни, и кочевники в равной степени сталкивались с неопределённостью природы и человека, но кочевничество было гораздо более опасной системой.

Беспорядки, связанные с эпизоотиями, опустошением пастбищ или набегами, имели далеко идущие последствия в степи, вызывая миграцию племён в поисках новых пастбищ или полуголодных набегов на аграрные общины. Это вело к войнам и завоеваниям.

Кочевой образ жизни был беспощаден к тем, кто не мог поддерживать минимальный уровень, необходимый для выживания. Конфликт с оседлым обществом возникал в основном из-за доступа к товарам аграрного и ремесленного производства. Кочевники торговали этими товарами или совершали набеги из-за них. По сути, военное превосходство определяло, какую форму примет этот обмен.

Могущественные империи, такие как Китай, чья позиция по отношению к кочевникам обычно была оборонительной, часто использовали перспективы торговли как средство контроля.

Возникновение кочевых государств до сих пор полностью не изучено, в основном потому, что у нас мало документов собственно кочевого мира, в которых бы описывались цели строителей государства. Учитывая их племенную организацию, непрерывную подготовку к войне и управленческие таланты, государство было латентным в большинстве кочевых обществ Евразии.

Переняв атрибуты и культуру своих недавно завоёванных подданных, правящие кланы кочевников стали отчуждёнными от своих соплеменников, оставшихся в степи. Превратившись в их вождей, правители попытались обложить кочевников налогами и контролировать их передвижения. Но кочевники, не слишком образованные в плане управления, в целом не были обучены функционированию в аграрных бюрократических го-

сударствах, основные институты которых не были затронуты кочевыми завоевателями. Такие должности неизменно занялись теми, кто занимался этим раньше. Именно к ним присоединилась кочевая элита, которые извлекли выгоду из образования государства.

Минара АЛИЕВА-ЧЫНАР

Суфизм – синтез православия и тюрко- монгольского тенгризма

Причина мирного сосуществования религий в Евразии

Не следует забывать, что тюрки-огузы, исповедовавшие шаманизм, вступили в контакт не с арабами суннитского толка, а с иранцами-шиитами, а затем с православными греками. В результате возникла собственно турецкая религия – алавитизм, представляющая собой синтез шаманизма, шиизма и православного христианства.

До последнего времени историки игнорировали эту религию, хотя к ней принадлежит треть жителей Турецкой Республики. Интересно отметить, что, как и в случае с турецким языком, который сумел выжить, несмотря на сильное давление «цивилизованных» языков великих империй персидско-греко-арабского региона, турецкая религия вопреки жестоким многовековым гонениям сохранилась и, возможно, когда-нибудь займёт в Турции место рядом с официальным суннизмом.

АЛИЕВА-ЧЫНАР Минара Инатдиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики турецкого языка Улудагского университета (Бурса, Турция). *E-mail:* minara.aliyeva72@gmail.com

Следует отметить, что тюрки-огузы познакомились с исламом благодаря иранской шиитской династии Бювейхогуллары (932–1055 гг.), основанной Эбу Сюджа Бювейхом.

Эта династия в 945 г. завладела Багдадом, установила опеку над суннитским халифом и создала великую Иранскую империю. С другой стороны, именно у этой династии родоначальник сельджукидов Тугрул-бей (Тогрул Бек) в 1055 г. отвоевал Багдад. Однако по причинам политической целесообразности, а также для того, чтобы ослабить позиции своих конкурентов из династии Бювейхогуллары и узурпировать их влияние на суннитского халифа, Тугрул-бей принял решение защищать суннизм. С этого времени суннизм становится «политической» религией тюрк-сельджуков и позднее османов, в то время как в народе сохраняет свою силу алавитизм.

Светлана ДЖЕЕНБЕКОВА

Геополитика Монголии со странами Центральной Азии, Россией, Китаем и АТР

Монголия – страна маленькая, её население составляет всего 3,2 млн чел., из них 1,2 млн живут в столице Улан-Баторе. Но страна очень богата медью, золотом, ураном, редкоземельными элементами и другими ресурсами. Специалисты даже утверждают, что Монголия – самый большой и самый быстрорастущий в мире рынок сырья. А горнодобывающая промышленность стала с начала XXI в. тем локомотивом, который повёл за собой экономику некогда аграрной страны.

ДЖЕЕНБЕКОВА Светлана Сагынбековна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина (Бишкек, Киргизия). *E-mail:* lana.dzheebekova@mail.ru

В этом контексте Центральная Азия важна для Вашингтона. Но нельзя забывать, что борьба с терроризмом придала региону большую стратегическую важность как в поддержке военных операций против талибов в Афганистане, так и в борьбе с исламскими движениями. При этом Соединённые Штаты стремятся укрепить независимость постсоветских республик, продвигая демократию и рыночную экономику и стремясь сдержать влияние России и Китая в регионе.

Учитывая эти экономические и стратегические интересы, неудивительно, что Вашингтон установил тесные отношения с Азербайджаном и Казахстаном, несмотря на низкие индексы демократических свобод там, что даёт повод лидерам республик Центральной Азии заподозрить интересы США в регионе. Этот климат недоверия объясняет, хотя и отчасти, стремление стран Центральной Азии поддерживать отношения с Россией.

Цели России. В отличие от США у России давние традиции хороших отношений с государствами региона, не в последнюю очередь потому, что они были частью единого государства на протяжении более 70 лет. Таким образом, понятно, что демографические, культурные и экономические связи с Россией имеют большое влияние в регионе.

Более чем через два десятилетия после обретения независимости их экономики по-прежнему зависят от России, особенно в энергетическом секторе. Стратегия Москвы в отношении Центральной Азии нацелена в основном на обеспечение ведущей роли России в разработке и транспортировке энергоресурсов Центральной Азии, в частности, туркменского природного газа и казахстанской нефти. Российские компании играют ключевую роль в освоении запасов каспийской нефти и природного газа в сотрудничестве с правительствами Азербайджана, Казахстана и Туркмении.

Представители российских вооружённых сил и служб безопасности считают расширение НАТО и растущее американское военное присутствие в Центральной Азии как прямую угрозу национальной безопасности России.

Цели Китая. Китай рассматривает Центральную Азию как возможность обеспечить безопасность своих энергоносителей. Пекин, руководствуясь соображениями безопасности, пытается установить с республиками Центральной Азии «традиционные вассальные отношения» за счёт «инвестиций, торговли и военного сотрудничества».

Китайское стратегическое мышление на Каспии/в Центральной Азии очень похоже на российское.

- Пекин и Москва имеют три основные стратегические цели:
- развивать энергетические ресурсы региона;
 - сдерживать экстремистские и сепаратистские движения;

– противостоять растущему американскому (экономическому, военному и стратегическому) присутствию в регионе.

Однако способность Китая «наказывать» или «вознаграждать» региональных игроков ниже, чем у Вашингтона или Москвы. Но, с другой стороны, «рост китайской экономической и военной мощи говорит о том, что стратегия Пекина в отношении Центральной Азии, вероятно, станет более настойчивой в ближайшем будущем».

По мере того как центр тяжести мирового развития смещается в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, политическое значение Центральной Азии как геополитического ядра (хартленда) Евразийского континента будет только возрастать. В Пекине считают, что Центральная Азия играет стратегически важную роль в обеспечении национальной безопасности Китая.

В экономическом плане Китай для преодоления ощутимого дефицита собственных ресурсов и проблем рынков сбыта своей продукции не скрывает серьёзности расчётов по отношению стран Центральной Азии, богатых минеральными ресурсами и остро нуждающихся в идеологически свободных финансово-торговых партнёрах.

В этом смысле решение об укреплении своего присутствия в регионе не является тактическим маневром Пекина. Это носит долгосрочный характер. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что Китай умело использует тот факт, что страны Центральной Азии всё активнее стремятся диверсифицировать географию сотрудничества. И сами часто создают конкурентные ситуации, чтобы извлечь выгоды. Китай не преминул этим воспользоваться. Он буквально ворвался в государства Средней Азии, предлагая свои и подбирая местные проекты. Таким образом, по сути, весь регион сегодня становится транзитным пространством Китая для малоуязвимого, по сравнению с морем, сухопутного маршрута на Южный Кавказ, через Каспийское море и далее в Европу, на Ближний Восток, в Средиземное море (т. е. это новая технологическая база «Великого шёлка»), через Иран к Персидскому заливу и через Пакистан к Индийскому океану.

Иными словами, создаются перспективные для Китая евразийские коридоры, которые быстрее и дешевле северных российских маршрутов.

Итак, интересы Китая и стран Центральной Азии в торгово-экономической сфере сошлись.

Однако ряд внутренних и внешних ограничений сужают возможности китайской политики в регионе и вынуждают его сотрудничать с другими крупными региональными игроками. На данный момент самым влиятельным игроком в Централь-

ной Азии является Россия, развивающая собственный интеграционный проект – Евразийский экономический союз.

Общие стратегические цели в регионе и схожие представления о будущем Евразии значительно упрощают развитие российско-китайского диалога. Благодаря сотрудничеству с Россией Китай может существенно заполнить пробелы в своей евразийской стратегии и на взаимовыгодной основе эффективно реализовать инициативу «Один пояс – один путь».

Ален ЛАМБАЛЬ

Наследники Бабур и Великих Моголов

Геополитика Пакистана в Центральной Азии, Монголии и приоритет России

Бабуризм – это официальная внешнеполитическая доктрина Пакистана, направленная на расширение сферы влияния на соседние территории с помощью «мягкой силы» за счёт экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа. Внутриполитический национализм Пакистана и сегодня не утратил своего бывшего значения вместе с новыми наднациональными связями, основанными на имперском мышлении современного типа, умеренном исламе, пакистанском евразийстве, панисламизме и идее бабуризма.

ЛАМБАЛЬ Ален – профессор, президент второй секции «Политические науки и администрирование» Французской академии наук заморских территорий, бригадный генерал (Париж, Франция). *E-mail:* alambal44@gmail.com

Основными элементами сети бабуризма являются неотимуризм, панисламизм, пакистанское евразийство, а также взаимодействие с арабскими и центральноазиатскими странами Ираном и Турцией. Бабуризм реализуется через использование каждого отдельного элемента, но с учётом общей ориентации на формирование надэтнической идентичности пакистанского реваншизма нового типа – вовлечение и включение за счёт «мягкой силы».

Одна из составляющих бабуризма – неотимуризм, который подразумевает интеграцию Кашмира, центральноазиатских государств и Монголии на основе их этнической, языковой и религиозной принадлежности с использованием прежде всего гуманитарных методов и методов экономической вовлечённости. Понятие «бабуризм» тесно связано с пантимуризмом, империей Великих Моголов.

Империя Великих Моголов – это историческая общность империи Тимуридов в Моголистане и кровная связь с империей Чингисхана во всём диапазоне их распространения – от р. Инд до р. Орхон.

Пакистан призван всячески поддерживать мусульман и моголов на этой территории, строить дороги, заводы и аэропорты, способствуя, в частности, формированию их государства и ослаблению внешних врагов: России, Индии и Китая. Неотимуризм сформировался на основе синтеза идей бабуризма и панисламизма.

Это можно считать одной из ветвей панисламизма, основанной на акценте общности этнического происхождения всех центральноазиатских народов на территории империй великих Чингисхана, Тимура, Бабура и Акбара.

Исторические мотивы, лежащие в основе претензий Пакистана к Центральной Азии. Во время набегов Махмуда Газны на Индию в первой половине XI в. тюркского полководца сопровождал иранский учёный Абу Райхан Бируни, который сказал о жителях субконтинента: «Индийцы полностью отличаются от нас...»

И всё же спустя тысячу лет в регионе Южной Азии проживает треть мусульманского населения мира, что вдвое больше, чем во всех арабских странах, вместе взятых. Это связано с тем, что в течение восьми столетий после вторжений Махмуда на Индийском субконтиненте всё больше доминировали тюркские династии центральноазиатского происхождения, которые принесли с собой высокоперсонифицированную форму исламской цивилизации.

Выходцы из Восточной Сибири, тюрки, впервые появляются в исторических документах как кочевые конфедерации, нападающие на земли, простирающиеся от Китая до Ирана.

Ислам и бабуризм. Официальный Пакистан с середины 90-х годов проявляет большой интерес и настойчивость в построении отношений со странами Центральной Азии.

Хотя подавляющее большинство мусульман Южной Азии на протяжении истории исповедовали несколько вариантов суфий-

ского ислама, но этот регион является «своим» для пуританских движений меньшинств, сопротивляющихся «неисламскому влиянию» или немусульманскому правлению. Большинство движений джихада в Южной Азии выросло из этих движений исламского возрождения. В последние годы хрупкое пакистанское государство использовало джихад для защиты своей национальной идентичности от Индии.

Хотя Исламабад уже давно является стратегическим партнёром Пекина (особенно в свете совпадения взглядов на общего соседа – Индию), руководство страны всё же заинтересовано в диверсификации взаимоотношений. В Пакистане уже даже говорят о потенциальной возможности появления Российско-пакистанского экономического коридора (РПЭК), который мог бы стать проектом и для оздоровления российской экономики. Взаимный выход на рынки двух стран в различных секторах был бы полезным как для государств, так и для представителей бизнеса.

Марат АЛЫМКУЛОВ

«Большая игра» Британской империи в Центральной Азии и Монголии

Политика «Большой игры» часто используется в качестве ссылки на конфликт между Великобританией и российскими интересами в Афганистане и Персии, а позже в Тибете. Британия была встревожена российской экспансией в Закавказье, направленной на Персию.

АЛЫМКУЛОВ Марат Сапарбекович – доктор философских наук, профессор, факультет политологии и международных отношений Международного университета Кыргызстана (Бишкек, Киргизия). *E-mail:* alymkulov.marat@bk.ru

Гюлистанский договор (1813 г.) и Туркменчайский договор (1826 г.) привели к существенным территориальным приобретениям России.

Чтобы сдержать Россию, англичане провели реорганизацию устаревшей персидской армии. Между Персией и Россией произошёл ряд дипломатических кризисов, в некоторой степени спровоцированных британским посольством в Тегеране.

К началу XX в. Северный Иран стал практически протекторатом Российской империи.

Центр «Большой игры» значительно сместился на восток.

Центральная Азия оказалась под контролем России, а противостояние империй переместилось в Восточный Китай, Монголию и Тибет.

Концепция «Большой игры». Центральная Азия долгое время была предметом соперничества для великих держав. В течение XIX в. Англия опасалась, что другая европейская страна может воспользоваться политическим упадком стран исламской Азии. Это были Франция и Россия.

Россия XIX в. рассматривалась англичанами с некоторой двойственностью. Её культурное своеобразие, а также технологическая отсталость считались несовместимыми с прогрессом викторианской Англии. С другой стороны, огромные размеры Российской империи и экспансионистские амбиции были источником беспокойства для британцев, которые внимательно следили за шагами своего соперника. На самом деле Англия боялась, что «жемчужина короны» – Индия – попадёт в руки русских. Такие страхи усилились после вхождения в Российскую империю Центральной Азии. Англичане полагали, что Афганистан станет следующим шагом в стратегии России, прежде чем Россия окончательно захватит Индию.

В конечном счёте «Большая игра» связана с колониальным и стратегическим соперничеством между Российской и Британской империями за господство в Центральной Азии в XIX в., что привело к созданию современного Афганистана в качестве буферного государства. «Большая игра» была спором двух имперских держав о политическом контроле и безопасности территорий, расположенных между Российской и Британской империями.

В результате русские присоединили территории, на которых впоследствии возникли Казахстан, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. В британском понимании контроль над регионом был необходим для обеспечения защиты своих индийских колоний.

Великобритания и Россия несут ответственность за создание нестабильных альянсов с местными деспотами, чтобы облегчить проникновение англичан в район, куда продвигались российские интересы.

Россия и Англия никогда не объявляли открыто войну друг другу. На самом деле «Большая игра» проходила тихо и тайно в отдалённых местах в Центральной Азии, области, до сих пор неизвестной обоим соперникам. При этом силового вторжения, ожидаемого с обеих сторон, так и не произошло.

«Большая игра» состояла из трёх основных этапов.

Первый начался с экспансии Российской империи на Кавказе и в Центральной Азии в конце XVIII и начале XIX вв., что вызвало тревожные настроения в Ост-Индской компании, фактической власти в Индии. Эта первая фаза «Большой игры» завершилась в 1907 г. подписанием англо-русской конвенции.

Вторая фаза «Большой игры» длилась около десяти лет – с 1907 по 1917 г. Используемые методы были практически такими же, как и на предыдущем этапе: использование агентов под прикрытием, которые пытались манипулировать местными властями и населением.

Третий этап «Большой игры» последовал за русской революцией 1917 г., когда большевики установили советскую власть в Средней Азии. Независимо от индивидуальных целей или судьбы различных субъектов, главная цель – власть над территорией – оставалась неизменной.

Сегодня и Монголия становится объектом «Большой игры». Видимо, что помимо России и Китая крупные компании и корпорации таких развитых стран, как США, Канада, Австралия и Япония, не только проявляют заинтересованность к Монголии, но и начали реальную деятельность.

Монголии нужны инвестиции, технологии и рынки. Самое главное – правильный выбор партнёров.

Если Монголии не удастся стать объектом «Большой игры», привлекающим интерес развитых стран, то она не сможет получить иностранные инвестиции. Естественно, следует думать прежде всего о национальной безопасности: как не оказаться пешкой в «Большой игре». Но, согласно Р. Киплингу, «Большая игра» никогда не кончится».

Мунира ШАХИДИ

Роль культуры Центральной Азии в дипломатических отношениях России и Монголии

Пандемия *COVID-19* в 2020 г. изменил характер международных отношений. Суть изменений в уравнивании прав «малых» и «больших» государств в преодолении всевозможных катаклизмов: природных, экономических, политических. И хотя дипломатические отношения России и Монголии происходят именно в этом ключе, трудно переоценить роль культуры Центральной Азии (ЦА) как двусторонних, так и многовекторных дипломатических отношений в дипломатии этих стран.

Уже в 20–30-е годы XX в. вместе с формированием новых дипломатических отношений России с ближними и дальними соседями возникла необходимость переосмысления исторического и культурного наследия, объединяющего народы нового государства.

Русско-таджикские исследования эпохи Тимуридов, а именно под таким названием известна Монгольская империя, созданная Чингисханом, в истории ЦА, заложила основы противостояния имперскому видению мира.

Освоение общих ценностей и культурных парадигм России, Монголии и ЦА открывает новые перспективы развития культурной дипломатии не только этих стран, но и всего мира в целом. И с этой точки зрения интересен обзор международных отношений России, ЦА и Монголии и того, как формировалась культурная дипломатия в эпоху Тимуридов.

ШАХИДИ Мунира Зиятуллаевна – профессор отделения международных отношений Таджикского национального университета (Душанбе, Таджикистан). *E-mail*: munira@shahidifoundation.com

Открыть Монголии путь к морю было мечтой Чингисхана. Однако реализовать её, создав огромную империю с особыми межкультурными отношениями многочисленных племён и народов, простиравшуюся от Самарканда через Индию и далее к Индийскому океану, удалось его внуку Тимуру. Именно в этот период взаимодействия разных культур и верований сложились понятия о гражданском обществе, признанном в научном исследовании Ибн Хальдуна «Мукаддима» – «Прелогомена».

Ибн Хальдун делал акцент на уменьшение государственных издержек на наёмную армию и был против налогообложения и тарифов, препятствующих торговле и производству, определил основополагающие правила, необходимые для построения цивилизованного общества, открыл многие фундаментальные понятия экономики, а также основы взаимоотношений России, ЦА и Монголии.

Начиная со второй половины 90-х годов, когда уже стал проходить культурный шок, полученный от распада единого советского пространства XX в., формирование новых международных отношений со странами Азии и Европы выявил разногласия между Россией и странами Запада во главе с США. Военные, политические и экономические интересы стали преобладать над межкультурными и межакадемическими связями, хотя целый ряд общих культурных ценностей при их объединении с традиционными формами могли бы принести более быстрые и экономически выгодные пути создания нового мирового сообщества.

Двусторонние связи должны уступать многосторонним, многовекторным и межкультурным связям. Одной из таких активных платформ могла бы быть совместная платформа России, Центральной Азии и Монголии, включающая изучение гражданского общества трёх регионов, диалогичность характеров, в том числе святые образы буддистов и суфиев в таджикско-персидской и тюркской литературах, а также новое осмысление миниатюр, их красок и свойств в передаче идей, так же как и музыкальная трансформация музыкальной мысли в контексте сегодняшнего всемирного проекта «Новый Шёлковый путь» и т. д.

Одним из общих явлений музыкальной культуры России, ЦА и Монголии, например, может быть трансформация горлового пения в современные формы, включая оперу и балет.

Причины и факторы, которые приводят к формированию современной культурной дипломатии, порождают новые явления в международных отношениях, влияют на создание константных форм взаимоотношений как малочисленных народов Таджикистана и Монголии, так и народов стран, находящихся в стадии цивилизационного поиска в кросс-культурном взаимодействии, как Россия, Китай и Индия.

Проведённые совместные исследования российских и монгольских учёных позволили обнаружить общность в культуре народов, населяющих трансграничные области на Алтае. Таджикистан, Узбекистан и другие страны ЦА обретают всё больше и больше партнёров в сфере межкультурных исследований как со своими родственными культурами в Афганистане, Иране, Индии, так и культурами Китая, стран Европы и США.

Научные дискуссии в контексте формирования новой публичной и культурной дипломатии требуют новых теоретических подходов к изучению коммуникативных стратегий в международных отношениях современного мира.

Мирлан НАМАТОВ

Концепция религиозной толерантности и противостояния салафизму

Взаимоотношения ислама с другими религиями региона происходят на протяжении многих веков. Изучив шаманизм якутов, прожив среди монголов, корейцев, я пришёл к выводу, что все финно-угорские, тюркские и маньчжурские народы схожи единым мировоззрением: почитанием единого Небесного Творца (Нум-Торум – у финно-угров, Тенгри – у тюрко-монголов и Шань-Ди – у маньчжуров). Схожесть есть и с корейским шаманизмом и японским синтоизмом.

НАМАТОВ Мирлан Аманович – доктор филологических наук, профессор, ассоциированный исследователь факультета истории и культуры народов Азии Университета Новый Лиссабон (Лиссабон, Португалия). *E-mail:* Mirlan_namatov@yahoo.co.uk

Ислам в Средней Азии столкнулся с пятью влиятельными религиями: тенгризмом, буддизмом зороастризмом, манихейством и христианством. Ислам пришёл в Центральную Азию через фильтр персидской цивилизации и стал самым заметным явлением.

Наиболее драматичным достижением арабских мусульман было поглощение всей Персидской сасанидской империи в 640-х годах.

В 750 г. так называемая революция Аббасидов сместила центр мусульманской власти и управления на восток, в персидский мир. Новая империя Аббасидов тогда во многих отношениях просто поддерживала существующие персидские культурные и политические реалии под новой исламской идентичностью. Там ислам приобретает всё более персидский характер: исламский закон, философия, литература, искусство и мистицизм – всё это в значительной степени развивалось в персидской культурной сфере.

Иранизированный ислам проник Центральную Азию и преобразовал в течение следующих нескольких веков. Именно на персидском языке исламская религия и мусульманская культура были доведены до жителей Центральной Азии. Так же как в Египте и Сирии, местные семитские языки постепенно уступили место арабскому.

Хотя Центральная Азия время от времени включалась в персидские империи, от Ахеменидов до парфян и Сасанидов, но именно при исламском халифате местная идентичность, по существу, исчезла, а Центральная Азия стала неотъемлемой частью персидского мира.

В IX–X вв. в Средней Азии и на юге Казахстана вначале распространялась суннитская школа имама аш-Шафии (767–820 гг.), но постепенно здесь утвердилась школа имама Азама Абу Ханифы, ибо это учение не ограничивалось условиями традиции местных жителей.

Вот почему по сей день мусульмане Индии, Пакистана, Афганистана, Средней и Малой Азии, Татарстана, Башкирии, Сибири, часть мусульман Северного Кавказа придерживаются этой школы (мазхаба).

Наргис Т. НУРУЛЛА-ХОДЖАЕВА

Персидско-тюрко-монгольская иерархия и арабо-афганский эгалитаризм

Благодаря объединяющему исламскому фактору и географическому соседству Ближний Восток и Центральная Азия дали миру чрезвычайно интересный комплекс общинно-племенных систем: персидско-тюрко-монгольской иерархии и арабо-афганского эгалитаризма. Этот комплекс во многом определил стиль культурного взаимодействия народов, так как полиэтничность и культурное многообразие – результат бесчисленных завоевательных походов и интенсивного социально-экономического обмена – были характерными чертами большинства сообществ в данных регионах.

Вопрос о соотношении принципов иерархичности и эгалитаризма в племенном обществе представляется особенно интересным с учётом наличия в нём трёх уровней: конфедерации племён, самих племён и кланов. Это было присуще как Центральной Азии, так и Ближнему Востоку. Среди арабских племён конфедерация была меньше распространена, вероятно, по причине ограниченного пространства и крепких эгалитарных устоев.

Лидеры таких племён осуществляли управление прежде всего через переговоры и могли объединить противоборствующие группы, используя сегментарную оппозицию. В этой ситуации создать широкую конфедерацию на длительный период было невероятно сложно.

Например, племена бедуинов, которые сами определяли себя через местные роды и кочевали в границах племени, довольно упорно сопротивлялись сотрудничеству на межплеменном уровне.

НУРУЛЛА-ХОДЖАЕВА Наргис Т. – доктор философских наук, доцент кафедры Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН (Москва, Россия).
E-mail: Nargis.nurulla@gmail.com

В то же время в монгольской и позднее в тюрко-монгольской племенной системе, развивавшейся на бескрайних степных просторах Азии, иерархическая родственная организация принималась как культурно законная.

Местные роды, кланы и племена становились структурными единицами военно-политических коалиций, создаваемых лидерами, чья власть редко подвергалась сомнению со стороны соплеменников. Только благодаря вертикальной организации власти огромные центральноазиатские племенные конфедерации могли инкорпорировать сотни тысяч людей. С другой стороны, иерархический принцип мог быть проигнорирован при назначении на должность в войсках.

Ход исторического развития племенных единиц сравниваемых регионов важно соотносить с географией их расселения:

– для арабоязычных, части афганских и курдских племён это были пустыни Северной Африки и Аравии, а также горные районы Ближнего Востока, впоследствии превратившиеся в небольшие государства;

– бескрайние степи Центральной Азии в известном смысле поощряли мобильность кочевников. Здесь кроется объяснение того, почему регион часто попадал под контроль государственных образований, создававшихся в основном конфедерациями тюрко-монгольских племён, имевших иерархическую структуру.

Тюрко-монгольские племена находились под постоянным давлением со стороны огромных государственных систем, непохожих на изолированное арабское общество. Это давление приводило к мощным волнам миграции, созданию огромных военных организаций и стратификации на уровне, неизвестном в классической Аравии. Однако в тех случаях, когда государства всё-таки создавались, эгалитаризм, присущий арабским племенам, заметно ослабевал. Их идентичность начинала трансформироваться, подчиняясь законам функционирования бюрократических структур оседлых народов.

Следует также упомянуть о другом важнейшем компоненте, тоже сыгравшем свою роль в формировании общинно-племенных устоев обоих регионов, – персоязычном этносе с его патримониальными традициями.

Постепенная смена эгалитарных идей персидскими представлениями о монархии и абсолютной власти у арабов дала основание историку Х. Гиббу говорить о возникновении «внутренней дисгармонии» в ближневосточной социальной жизни. В этом причина исторического казуса: египтяне довольно быстро подверглись арабизации, так как их системе власти не был свойственен неопатримониализм, тогда как окраины империи, в том числе народы Хорасана (восточная

часть халифата, в которую входил Мавераннахр), приняв ислам, оказались более устойчивыми в этнокультурном плане. Осуществив завоевание, как арабская, так и позднее монгольская элита, оставшаяся в регионе, начинала адаптироваться к местным условиям, воспринимая неопатримониалистские предписания персидской бюрократии и культуры. Парадокс в том, что персидские устои сохранили иерархию и иррегулярность центральноазиатской общинной модели и законсервировали присущий ближневосточным племенам эгалитаризм.

Дарья НИКИТИНА

Культурно-образовательная составляющая современных монголо-российских отношений

Монголо-российские отношения имеют давнюю традицию. В данном контексте уместно будет вспомнить общее историческое прошлое (монголо-татарское иго); малые народности России, имеющие общий язык и, по сути, являющиеся одним народом; использование кириллической системы письменности (в Монголии – с 1943 г.). Общая культура, религия (буддизм, который исповедуется в Монголии

НИКИТИНА Дарья Владимировна – старший преподаватель кафедры международного сотрудничества Института управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). *E-mail:* pchelnikovad@mail.ru

и в некоторых регионах России), географическое и геополитическое положение обеих стран, достаточно протяжённая граница, а также сотрудничество в рамках ШОС, где Россия является постоянным членом, а Монголия имеет статус наблюдателя, не могут не влиять на современные отношения стран.

Памятуя о давних связях Монголии и России, а также о том, что территориально большая часть Российской Федерации расположена в Азии, нельзя не замечать очевидных культурно-образовательных связей.

Основное различие между западной и восточной системами образования заключается в их объекте познания: для западной традиции характерна ориентация на познание внешнего мира с опорой на рациональную составляющую, а для восточной – познание самого себя, нравственное самовоспитание с опорой на добродетель. При таком подходе наблюдается расхождение как в содержании, так и методах обучения.

Образование в мире в целом и в Азии в частности испытывает влияние вестернизации (идея университета, например, не является концепцией восточного образования). Однако восточная культура по-своему принимает и адаптирует это влияние. И несмотря на вестернизацию, значительные политические, социальные и экономические изменения, образовательные миграции и культурные обмены последних десятилетий, базовые культурно-образовательные традиции сохраняются.

Нельзя забывать и о том, что у России (со времён споров западников и славянофилов) особое географическое и геополитическое положение, и сейчас нельзя отрицать поворота нашей страны, её внешней политики «на Восток». Возможно, что укрепление культурно-образовательных связей с восточными соседями позволит нашей стране соблюсти необходимый баланс в собственном пути развития. С одной стороны, Россия участвует в Болонском процессе и применяет единую систему оценивания и признания дипломов, а с другой – участие в совместных образовательных программах и сетевых университетах ШОС (и БРИКС) даёт возможность говорить о переходе на новый этап развития образования.

При этом следует отметить, что общая история, граница, письменность, отчасти культура, а также необходимость действовать в интересах друг друга, идти на взаимные уступки для достижения общих целей, объединяют людей намного больше, чем желание быть интегрированным в чуждое геополитическое, экономическое или культурное сообщество. Обращение к образованию в качестве связующего элемента

культуры двух стран представляется как необходимостью и вызовом времени, так и естественным желанием сохранения нематериального культурного наследия.

Мухаммед **ФАЗЫЛХАШЕМИ**, Мирлан **НАМАТОВ**

Концепция власти аль-Газали и монгольские династии Джучиды

Первые монгольские династии чувствовали некоторую недостаточность своей легитимности на завоёванных территориях, а автохтонные элиты стремились частично увязать новых правителей с существовавшей до их прихода политической культурой.

В случае с Джучидами можно говорить о распространении политической культуры иранского типа в связи с миграцией городского населения из персоязычного ареала на территорию Дешт-и-Кипчак. Джучиды в XIII–XVII вв. были правителями различных государств в Восточной Европе, Центральной Азии, Западной Сибири и Дешт-и-Кипчаке. До принятия ислама монгольские династии использовали собственные формы легитимизации своего правления, основанные на получении права на власть и особую благодать от небесного бога Тенгри. Ильханиды (Хулагуиды), правившие на Ближнем и Среднем Востоке (с 1256 по 1353 г.), и Джучиды активно

ФАЗЫЛХАШЕМИ Мухаммед – PhD, профессор кафедры теологии (Университет Упсала), член Королевской Шведской академии надписей (Стокгольм, Швеция). *E-mail*: mohammad.fazlhashemi@teol.uu.se

НАМАТОВ Мирлан Аманович – доктор филологических наук, профессор, Ассоциированный исследователь факультета истории и культуры народов Азии Университета Новый Лиссабон (Лиссабон, Португалия). *E-mail*: mirlan_namatov@yahoo.co.uk

применяли элементы древнеперсидской концепции власти, основанные на даровании правителю особого божественного света – фарра, а также образов справедливых правителей и использовании традиционной титулатуры иранских правителей – царь (шах) и царь царей (шахиншах).

Трудно представить, что попытка мусульманского философа Абу Хамид Мухаммад аль-Газали придать исламскую форму первоначально персидской мысли была сделана для турецких султанов, так как они, как правило, умеренно интересовались определёнными разделами религии в трактовке религиозных учёных. С другой стороны, эти султаны из-за своей молодости при занятии престола в основном были плохо знакомы с религией. Для султанов религия была авторитетным источником, который мог узаконить или объяснить их действия. В этом их двойственное отношение к Аббаситскому халифату. Когда они приняли политическую и военную власть над халифатом, несмотря на крайнюю слабость, они никогда не заходили так далеко, чтобы отменить его. Это связано с тем, что именно халифат в конце концов легитимизировал захват власти султаном. В постоянной борьбе за власть, которая велась между халифатом и султанами, последние не видели никаких препятствий для нарушения авторитета халифата в других областях. Это можно рассматривать как проявление собственной религиозной позиции ведущих акторов, которая в сочетании с их основной суннитской верой способствовала таким действиям. Они были глубоко религиозными, по крайней мере, для них было почти неизбежно интерпретировать новые идеи с помощью религиозной модели, а затем применять их в своих политических взглядах.

Можно сказать, что политический взгляд суннитов помог им в этом: они были готовы провозгласить того, кто обладает властью законного правителя, хотя некоторые из этих идей, такие как выбор правителя, противоречили более раннему исламскому представлению о правителе, которое заключалось в том, что оно было выбрано большинством писцов калама или доверием народа.

Таким образом, монгольская знать, захватив власть в мусульманских государствах, использовала мусульманских богословов для обоснования законности своей власти на аннексированных территориях.

Жибек СЫЗДЫКОВА

Основные аспекты внешней политики Монголии на современном этапе

В 1991 г. после распада СССР, а также крушения биполярного мира произошли радикальные изменения на политической карте мира. Государства, которые ранее принадлежали к социалистическому лагерю, столкнулись с серьёзными проблемами, прежде всего экономического характера. Не избежала всех этих сложностей и Монголия.

С учётом новых реалий Монголия предпринимает попытки разнообразить международные связи, чтобы сохранить свою политическую и экономическую независимость. Были приняты важнейшие документы.

К ним относятся Конституция (13 января 1992 г.), Концепция внешней политики и Концепцию национальной безопасности (1994 г.), закреплявшие нейтралитет, безъядерный статус и многовекторную внешнюю политику.

В настоящее время российско-монгольские отношения строятся на основе действующего бессрочного Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Монголией и Российской Федерацией от 2019 г.

На сегодняшний день Китай является основным торговым партнёром Монголии, Россия находится на втором месте. Через Китай Монголия получает доступ к морским портам, а Россия в основном поставляет нефть. Россия и Китай в концепции были отмечены как традиционные партнёры.

Согласно Концепции 1994 г. Монголия заявила о существовании монгольской цивилизации, т. е., по сути, начала позиционировать себя как полностью самостоятельный субъект

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия). *E-mail:* ccca-iaas@yandex.ru

в системе международных отношений. Нейтралитет может обеспечить Монголии прочную платформу для того, чтобы выступить в качестве более серьёзного регионального и глобального координатора и посредника.

Одно из важнейших направлений Концепции внешней политики Монголии – это концепция «третьего соседа», базовые положения которой таковы:

- равноправие во взаимоотношениях со всеми без исключения странами;
- максимально широкая диверсификация географии внешних отношений;
- проведение политики открытой экономики, в том числе привлечение иностранных инвестиций, сотрудничество с международными финансовыми организациями.

Вначале «третьим соседом» именовали США. Предполагалось, что они, возможно, выступят неким «спасательным кругом» в том случае, если Монголия почувствует давление традиционных партнёров в лице России или Китая. Обстоятельства стали меняться, когда к Монголии проявили интерес страны Восточной Азии. С учётом этого концепция «третьего соседа» расширилась, и сюда стали относить те страны, которые способны оказать Монголии помощь. Безусловно, что и страны Восточной Азии имели в регионе свои собственные интересы.

Однако Монголия проявила предусмотрительность. Парламентом Монголии был принят закон (2001 г.), ограничивающий прямые инвестиции из какой-либо одной страны до одной трети от объёма всех инвестиций. Законодательство также ограничивает иностранные компании в получении контроля над основными активами Монголии.

Реализуя концепцию «третьего соседа», политическое руководство Монголии рассчитывает не только получить экономические дивиденды, но и, конечно, заимствовать позитивный опыт этих стран в возможности модернизации экономики и её структурной перестройки.

По сути, Концепция «третьего соседа» – это стратегия, которая направлена на то, чтобы иметь дружественные и партнёрские отношения со всеми центрами силы в мировой политике.

С 2014 г. под патронажем Монголии проводятся «Улан-Баторские диалоги», которые призваны сплотить деятельность экспертных сообществ государств Северо-Восточной Азии в решении проблем региональной безопасности. Монголия стремится стать ареной для международных переговоров, «азиатской Швейцарией», и тем самым умножить собственный вес в мировой политике.

В настоящее время внешняя политика Монголии приобрела новый масштаб, она стала базироваться на более широкой основе, а также на принципе многовекторности. Вокруг Монголии возникло геополитическое пространство, включающее прежде всего Китай и Россию, а также внерегиональных игроков (США, Япония, Республика Корея, государства Европы, Индия, Турция).

Сегодня Монголия относится к категории активных субъектов современной мировой политики.

Бибигуль ДОСОВА

Кандасы в истории казахстанско-монгольских отношений

Кандасы (бывшее название оралманы – в переводе с казахского возвратившиеся, в вольном переводе кандасы – однокровные) – это, во-первых, этнические казахи, которые в момент обретения Казахстаном суверенитета проживали за рубежом; во-вторых, дети этнических казахов, родившиеся и постоянно проживающие за пределами Казахстана после 1991 г.; в-третьих, этнические казахи, прибывшие в Казахстан на постоянное место жительства.

Интересно рассмотреть роль этнических казахов в укреплении казахстанско-монгольских отношений.

Законодательная база для этнической иммиграции включает:

ДОСОВА Бибигуль Аралбаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Карагандинского университета им. Академика Е. А. Букетова (Караганда, Казахстан). *E-mail:* bibigul.dossova@mail.ru

- постановление правительства «О порядке и условиях переселения в Казахскую ССР лиц коренной национальности, изъявивших желание работать в сельской местности, из других республик и зарубежных стран» (18 ноября 1991 г.);
- Закон «Об иммиграции» (26 июня 1992 г.);
- Закон «О миграции населения» (13 декабря 1997 г.) и ряд других правовых актов.

Финансовая поддержка возвратившихся соотечественников, прибывших в Казахстан по квоте, в основном была связана с обеспечением их жильём и выделением единовременного пособия в размере 15 месячного расчётного показателя (МРП) главе семьи и 10 МРП каждому члену семьи. Также им возмещали расходы на переезд и таможенный сбор при пересечении границы.

Начиная с 2004 г. кандасам не дают бесплатного жилья, а выделяют денежные средства на его приобретение в размере 100 МРП на каждого члена семьи. Существует целый ряд и социальных выплат.

Президент своим указом устанавливает размер квоты для кандасов, правительство несёт общую ответственность за их интеграцию, соответствующая ответственность возлагается на министерства и ведомства Казахстана.

Крупнейшие казахские общины (свыше 500 тыс. чел.) находятся в Китае, Узбекистане и России. Средние по численности общины (свыше 100 тыс. чел.) существуют в Монголии и Туркмении. В целом численность зарубежных казахов составляет около 5 млн чел.

Для казахской диаспоры характерен такой процесс, как репатриация, т. е. возвращение казахов на историческую родину для постоянного проживания.

Казахстан стремится упростить процедуру получения кандасами казахстанского гражданства.

В 2020 г. правительством Казахстана были установлены региональные квоты приёма кандасов и переселенцев на 2020 г. в количестве 1378 чел. Квота даёт возможность кандасам получить государственную поддержку в рамках Государственной программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017–2021 годы «Енбек».

В целом с момента обретения Казахстаном независимости свыше миллиона этнических казахов вернулись на родину.

Статус кандаса переселенец имеет только на год нахождения в Казахстане. Затем кандасы должны получить гражданство или вид на жительство.

Сложность интеграции кандасов в казахстанское общество связана с тем, что для сельских казахов они «чужие», а для городских – «другие». Городские и сельские казахи часто не

воспринимают позитивно культуру кандасов, и отсюда отношение к ним как к «другим» и «чужим».

Одним из слабых звеньев при реализации программы по возвращению кандасов в Казахстан – это отсутствие чётко продуманного адаптационного механизма для будущих граждан страны, так как акцент в основном делался на материальную сторону проблемы. А как будет происходить духовная, ментальная адаптация кандасов в казахстанском обществе, это проблема самих возвратившихся.

Первыми репатриантами оказались монгольские казахи, которые уже в феврале 1991 г. (до установления дипломатических отношений между Казахстаном и Монголией 22 января 1992 г.) практически стихийно стали прибывать в Казахстан.

Казахи оказались на территории Монголии в результате восстаний тайпинов и дунган в Синьцзяне (50–70-х годов XIX в.).

Казахи в Монголии являются крупнейшим национальным меньшинством, и в соответствии с промежуточной переписью 2015 г. их численность составляла 117,8 тыс. чел. (3,85% населения Монголии, для сравнения: по переписи 2010 г. было 101 526 чел., или 3,8% населения страны). Цифры говорят об увеличении численности казахов, которые компактно проживают в западной части Монголии – около 89% в аймаке Баян-Улгий и 11,5% в аймаке Ховд, остальные в Улан-Баторе.

Монгольские кандасы, в отличие от кандасов из других стран, хорошо владеют казахским языком, а также русским. Среди кандасов из Монголии много представителей интеллигенции: врачей, учителей, деятелей искусства.

Казахстан на постоянной основе предпринимает меры для поддержки казахов, проживающих в Монголии.

В целом этническая иммиграционная политика Казахстана направлена прежде всего на восстановление исторической справедливости, так как многие этнические казахи оказались на чужбине по различным политическим, экономическим и религиозным причинам, а также в результате различного рода репрессий и гонений.

Дарья САПРЫНСКАЯ

Страны Центральной Азии в контексте российско- монгольских отношений*

Формирование принципиально нового мироустройства с развалом СССР актуализировало центральноазиатский фактор во внешнеполитической повестке.

Изменение системы международных отношений в контексте наднациональных инициатив диктует расширение линии взаимодействия отдельных стран друг с другом. И если раньше определяющую роль играла политическая система, а, соответственно, принадлежность к ней создавала блоки, то сейчас справедливо говорить о выдвигании других факторов (экономика, безопасность и т. д.) и ориентирование на них в создании международных блоков или инициатив: «Европейский союз», «Один пояс – один путь», Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества и пр.

Уровень сотрудничества той или иной страны часто определяется принадлежностью к региону.

Россия имеет ряд территорий, находящихся в ЦА. Монголия, позиционирующая себя страной Восточной Азии, географически, в частности по определению ЮНЕСКО, может относиться к Центрально-Азиатскому региону. Но в рамках международных отношений они, безусловно, не воспринимаются как страны Центральной Азии, которыми признаются Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркмения, Таджикистан. Поэтому необходимо определить значение Центральной Азии для Российской Федерации и Республики Монголия.

1. Историко-культурная область. Регион общего взаимодействия и исторического наследия.

САПРЫНСКАЯ Дарья Викторовна – аспирант Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, научный сотрудник кафедры стран Центральной Азии и Кавказа (Москва, Россия). *E-mail:* saprinskayadv@gmail.com

* Тезисы подготовлены при поддержке гранта Президента РФ для молодых учёных – кандидатов наук МК-636.2020.6.

2. Страны Центральной Азии – это страны по большей степени мира ислама, а также тюркской и иранской идентичностей.

3. Территория с существовавшей ранее номадической традицией (схожесть экономических циклов производства).

4. Регион пересечения интересов с Китаем, Ираном и другими странами внерегионального сотрудничества.

5. Пограничная территория; установление различных по уровню отношений со странами региона (Узбекистан, Киргизия, Туркменистан и Таджикистан) и пограничным с ЦА Казахстаном.

Эти и другие аспекты взаимодействия со странами ЦА варьируются в зависимости от политической повестки. В итоге следует сделать вывод о важности культурно-исторического фундамента в сотрудничестве Россия – Монголия и стран ЦА, а также подчеркнуть неравномерность векторов взаимодействия стран в рамках региона.

Татьяна АВДЕЕВА

Международное сотрудничество России и Монголии в области энергетики

Российско-монгольское сотрудничество в электроэнергетике возможно в двух направлениях: строительство электростанций и создание межгосударственной электроэнергетической системы.

По исследованиям Министерства минеральных ресурсов и энергетики Республики Монголия, в период с 2015 по 2030 г. нацио-

АВДЕЕВА Татьяна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент Института управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). *E-mail:* avdeeva-tv@ranepa.ru

нальная потребность в электрической мощности может составить от 1500 до 3000 МВт. Даже для сценария с минимальным уровнем развития экономики электропотребление к 2025 г. возрастёт почти в 5 раз по сравнению с 2010 г.

По прогнозным балансам прирост электрических нагрузок в отдельные периоды до 2030 г. будет опережать прирост генерирующих мощностей.

В настоящее время правительством Монголии рассматривается возможность строительства ряда электростанций и разработаны совместные с Россией проекты с привлечением высококвалифицированных специалистов из разных стран мира, в том числе и России. Кроме того, намечено сотрудничество в области поставок современного энергетического оборудования.

Первые правовые основы двустороннего сотрудничества между двумя странами были заложены ещё 5 ноября 1921 г.

Всего на межгосударственном и межправительственном уровне подписано более 150 договоров и соглашений.

Монголия и Россия намерены сотрудничать в сферах поиска, разведки и эксплуатации месторождений подземных пресных вод и полезных ископаемых, подготовке и повышении квалификации специалистов геологоразведочной отрасли Монголии.

Плодотворное сотрудничество наших стран в области электроэнергетики возможно за счёт совместного строительства новых генерирующих мощностей и электросетевых объектов, обеспечивающих как параллельную работу приграничных энергосистем, так и создание межгосударственной электроэнергетической системы.

Российско-монгольские отношения в эпоху глобализации развиваются на основе партнёрства и взаимовыгодности. За 100 лет дипломатических отношений между двумя странами не было конфликтных ситуаций, нет принципиальных разногласий по проблемам мировой политики, и это является важным фактором, который прочно укоренился в памяти наших народов. Участники конференции выразили уверенность в динамичном развитии торговых и экономических отношений, отметили большой накопленный опыт взаимоотношений в различных сферах.

Монголия и Россия – это две разные культуры, две разные цивилизации, но с глубоким пониманием друг друга. Надо органично развивать единое образовательное, спортивное

и культурное пространство, которое будет поддерживать и углублять отношения между нашими народами.

Российско-монгольские отношения в условиях «сжатия времени» и турбулентности международных отношений, безусловно, претерпевают изменения, меняются внешнеполитические стратегии двух государств, однако «неизменным остаётся партнёрство и развитие всесторонних отношений, которые носят позитивный всесторонний характер».

Тема гуманитарного сотрудничества между Монголией и Россией является наиболее важной. Докладчики предложили создать специальную совместную программу по подготовке и переподготовке преподавателей русского языка для монгольских школ, для всестороннего поддержания и развития владения русским языком, который объединяет наши народы.

Между двумя странами сложились прочные связи в сфере образования.

Проведение конференции играет важную роль для развития академического сотрудничества наших стран: РАНХиГС и МГУ им. М. В. Ломоносова являются крупными научными и образовательными центрами, где обучаются студенты и аспиранты из Монголии.

Культурно-образовательная составляющая современных российско-монгольских отношений важна и значима в контексте глобализации и вестернизации образования, а также с точки зрения их общего культурного, исторического прошлого.

Международная конференция, посвящённая 100-летию российско-монгольских дипломатических отношений, подтвердила огромный интерес научно-экспертного сообщества к проблемам двусторонних российско-монгольских отношений.

Материалы конференции поступили в редакцию 9 марта 2021 г.